

СТО ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ.

(Изъ записокъ Д. П. Рунича ¹⁾).

I.

Заслуги Петра I и Екатерины II.—Сравненіе и сближеніе ихъ царствованій.— Характеристика тогдашняго общества.— Народное образованіе.— Домашній бытъ высшаго класса: обѣды, балы и гулянья.

осемнадцатый вѣкъ, есть вѣкъ самый достопамятный въ исторіи государства Россійскаго. Петръ Великій умеръ въ 1725 году, — Екатерина II кончила жизнь 6-го ноября 1796 года, такъ что сіи великіе по дѣламъ государя, одинъ началъ, другая кончила XVIII-й вѣкъ, знаменитый и въ бытописаніяхъ міра и въ бытописаніи царства Русскаго.

1796-й годъ, принадлежа къ послѣднимъ четыремъ годамъ, оканчивающимъ XVIII столѣтіе, собственно для Россіи не имѣлъ бы особой важности, если бы не былъ годомъ кончины императрицы Екате-

¹⁾ Дмитрій Павловичъ Руничъ родился въ 1778 году и восемнадцати лѣтъ отъ роду поступилъ въ военную службу. Въ январѣ 1797 г. онъ перешелъ въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ и до половины 1799 года состоялъ при нашемъ посольствѣ въ Вѣнѣ. Въ 1812 году онъ управлялъ московскимъ почтамтомъ и 2 сентября оставилъ Москву за нѣсколько часовъ до вступленія въ нее непріятеля. Подъ конецъ царствованія императора Александра, въ званіи члена главнаго училищъ правленія, Дмитрій Павловичъ управлялъ С.-Петербургскимъ университетомъ и петербургскимъ учебнымъ округомъ. За неправильное расходованіе суммъ при постройкѣ университетскаго зданія онъ былъ отданъ подъ судъ и провелъ остатокъ дней своихъ въ отставкѣ. Въ теченіе болѣе чѣмъ полувѣковаго служенія, Д. П. Руничъ велъ обширную переписку съ разными лицами и оставилъ послѣ себя записки, ко-

рины II, которой, еще при жизни ея, просвѣщенная Европа не отказала въ наименованіи Великой. Она царствовала 34 года.

XVIII вѣкъ въ Россіи по всей справедливости долженъ быть названъ вѣкомъ Петра I-го и Екатерины II-й и это будетъ гораздо безпристрастіе того, что вѣкомъ Людовика XIV-го назвали тотъ вѣкъ, въ которомъ царствовалъ сей король французскій; ибо какое сравненіе сдѣлать можно царствованія его съ царствованіями русскихъ владыкъ: Петра и Екатерины. Людовикъ наследовалъ государство отчасти образованное и отчасти просвѣщенное Францискомъ и Генрихомъ, Петръ I-й и продолжательница началъ и видовъ его Екатерина II-я преобразовали и въ теченіе 100 лѣтъ поставили страну, обширѣйшую въ мірѣ, дикую и безграмотную—на степень равную со всѣми европейскими просвѣщенными странами. Нынѣ страна сія преобладаетъ въ Европѣ и Азіи и силою, и могуществомъ, изобилуетъ всѣми возможными дарами природы и всѣми средствами, нужными для самостоятельности. Какъ имена Петра и Екатерины, такъ и царствованія ихъ не могутъ быть отдѣлены одно отъ другаго. Первый полагалъ основаніе къ просвѣщенію и величію своего государства, вторая продолжала развивать и укоренять ихъ, а потому годы царствованія ея во всѣхъ отношеніяхъ исключительно важны и замѣчательны.

Протекшіе по кончинѣ Петра до Екатерины 37 лѣтъ не могли представлять особой характеристикъ,—и это весьма естественно, ибо послѣ всѣхъ началъ, положенныхъ въ основаніе новой имперіи Петромъ, ближайшимъ преемникамъ его оставалось или продолжать, или разрушать его начала. Главнымъ усиленіемъ Петра было сближеніе Россіи съ Европою, и продолженіе сближенія сего сдѣлалось непреодолимымъ слѣдствіемъ начатаго имъ преобразованія русскаго народа, гордившагося и происхожденіемъ своимъ, и самостоятельностью, и православіемъ, почитавшаго всѣ прочіе народы нехристіанами, смѣшивавшаго Европу съ Азією, турокъ съ французами и недоувѣрявшаго даже самымъ грекамъ, отъ которыхъ праотцы ихъ заимствовали вѣру.

Болѣе полувѣка, Петръ и преемники его, до Екатерины, постоянно мѣняли и нравы и обычаи русскіе, начиная съ ближайшихъ ко двору бояръ. Въ народномъ быту обычаи иностранные не только не принимались, напротивъ, возбуждали отвращеніе, которое народъ перенѣлъ къ иностранцамъ. Обычаи сіи такъ же мало имѣли вліянія и на прочіе классы

торыя къ сожалѣнію разбиты по частямъ и находятся въ разныхъ рукахъ. Такова у насъ участь многихъ записокъ, какъ, напримѣръ, А. И. Михайловскаго—Данилевскаго и другихъ. Печатавъ начало записокъ Д. П. Рунича, мы должны сказать, что вторая половина ихъ была напечатана въ «Русскомъ Обзорѣніи» 1890 г., т. IV, № 8, стр. 653; т. V, № 9, стр. 186 и № 10, стр. 794. Ред.

жителей столицъ: дворянъ и купечество. Какъ дворяне, въ которыхъ таялся еще духъ бояръ московскихъ, время Пожарскаго, такъ и купцы, гордившіеся Миннинымъ, неохотно переходили отъ обычаевъ отцовъ своихъ къ обычаямъ иностранцевъ; а народъ упорно оставался въ томъ же полу-дикомъ невѣжествѣ, при тѣхъ же суевѣріяхъ и грубыхъ обычаяхъ, въ какихъ коснѣла до Петра вся Россія отъ западной своей границы до Авачинской губы. И чрезъ 120 лѣтъ, послѣ смерти преобразователя Россіи, даже въ наше время ¹⁾, можно еще въ пространномъ Русскомъ царствѣ, въ народномъ быту, особенно въ отдаленныхъ губерніяхъ, найти понятія, нравы, обычаи и суевѣрія временъ Грознаго.

Вѣра и суевѣріе, чистое и безкорыстное усердіе къ церкви и вышѣсть съ тѣмъ глубокое невѣжество не могли искоренить въ русскомъ народѣ коренныхъ свойствъ: честности, мужества и великодушія. Оставляя обычая предковъ, они не забывали вѣры и любви къ отечеству.

Народное просвѣщеніе, до царствованія Екатерины II, заключалось въ изученіи грамоты по церковнымъ книгамъ. Въ букварѣ народъ научался первымъ основаніямъ христіанства, чтеніемъ Псалтири пріучался къ возвышеннымъ понятіямъ о Богѣ, а въ Часословѣ находилъ наставленіе касательно богослуженія. Вообще въ народѣ русскомъ замѣтно изъ давнихъ временъ горячее влеченіе къ христіанству, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ, несмотря на отсутствіе всякаго приготовительнаго ученія. Со всѣмъ тѣмъ едва-ли Россія не есть еще единственное государство, въ которомъ менѣе всѣхъ просвѣщенныхъ странъ совершается преступленій, ужасающихъ природу человѣческую.

Народное просвѣщеніе въ Россіи при Екатеринѣ только что начало повсемѣстно, хотя медленно, распространяться и до воцаренія императора Александра, народнымъ просвѣщеніемъ едва-ли названо быть можетъ. До девятнадцатаго столѣтія, оно было въ Россіи удѣломъ одного высшаго круга дворянства обѣихъ столицъ, составившагося изъ потомковъ нѣкоторыхъ бояръ и знаменитыхъ иностранцевъ, поселившихся въ Россіи. Въ массѣ народной, все просвѣщеніе состояло въ умѣніи читать по церковнымъ книгамъ, а въ самомъ высшемъ кругу дворянства не всѣ мужьяны умѣли писать, а которые и умѣли, то писали какъ выговаривали и какъ нынѣ еще пишетъ простой народъ. Что жъ касается до женскаго пола, то умѣніе читать и писать почиталось вовсе для него ненужнымъ и даже опаснымъ. И дворянскія дѣти учились грамотѣ по церковной печати, по букварю у церковниковъ.

Только при императрицѣ Екатеринѣ II началось правильное обученіе въ ново-учрежденныхъ по городамъ народныхъ училищамъ мужскаго пола. Дѣти мелкихъ чяновниковъ и разночявцевъ, мелочныхъ купцовъ

¹⁾ Писано въ 1846 году.

и мастеровыхъ могли безъ всякой платы посѣщать ихъ. Многіе дворяне посылали въ сія школы дѣтей крѣпостныхъ своихъ людей, которые, сверхъ природнаго своего языка, въ главномъ народномъ училищѣ въ Москвѣ, могли, если имѣли способности и охоту, научиться начальнымъ основаніямъ языковъ: латинскаго, французскаго и нѣмецкаго; исторіи, географіи, геометріи и ариметикѣ. Московское главное народное училище въ 1790-хъ годахъ имѣло болѣе ста приходящихъ учениковъ и было подвѣдомо Московскому университету, находясь подъ непосредственнымъ начальствомъ директора училищъ. Въ послѣдніе годы XVIII столѣтія, не только въ Москвѣ, но и повсемѣстно, лучшими учителями грамоты русской были приходскіе священники и діаконы, обучавшіеся въ семинаріяхъ и академіяхъ духовныхъ. Очень немногихъ свѣтскихъ, образовавшихся въ Московскомъ университетѣ, къ числу ихъ присоединить можно было. Сверхъ главнаго народнаго училища, въ Москвѣ находилась при многихъ городскихъ церквяхъ приходскія училища, въ которыхъ первоначальные предметы преподавались духовными. Духовныя академіи и семинаріи сохраняли для Россіи древніе классическіе языки. Если университетъ Московскій и славился элленистомъ профессоромъ Маттѣемъ и латинистомъ профессоромъ Шаденомъ, то духовныя академіи и семинаріи несравненно болѣе образовали отличныхъ преподавателей греческаго, латинскаго и даже еврейскаго языковъ. Что касается до наукъ богословскихъ и философскихъ, сими науками великороссійскія духовныя училища обязаны первоначально малороссійскимъ духовнымъ академіямъ и коллегіумамъ.

Въ царствованіе Екатерины II, народное просвѣщеніе шло еще медленными шагами и, какъ я уже сказалъ, едва-ли до воцаренія императора Александра народнымъ просвѣщеніемъ названо быть можетъ; такъ малочисленны были въ Россіи въ концѣ XVIII-го столѣтія народныя учебныя заведенія. Для высшихъ сословіи, высшимъ учебнымъ центромъ былъ Московскій университетъ, но въ немъ обучалось очень немного дворянъ, ибо главною его цѣлью было образованіе преподавателей по разнымъ отраслямъ наукъ, особенно врачей и хирурговъ. Уже въ то время медицинскій факультетъ университета славился Гильдебрантомъ, Политковскими и другими медиками. Факультеты наукъ и словесности не имѣли большаго числа слушателей. Извѣстнѣйшее московское и иногородное дворянство исключительно обучалось въ загородномъ университетскомъ пансіонѣ. Только со смертію императора Павла I-го, въ началѣ уже XIX столѣтія, началось повсемѣстное и правильное распространеніе народнаго просвѣщенія въ Россіи. Первая половина сего столѣтія, въ которой мы живемъ, ожидаетъ бытописателя способнаго, честнаго и краснорѣчиваго, ибо едва-ли какое пятидесяти-

лѣтіе въ мірѣ богато столь быстрыми переворотами, какъ богато ими начавшееся въ 1801 году.

Чтобъ показать Россію и русскихъ, какими они были при кончинѣ императрицы Екатерины II, я постараюсь представить въ очеркахъ только картину тогдашняго ихъ быта.

Всякое общество, и большое и малое, состоитъ обыкновенно изъ четырехъ слоевъ: высшаго, средняго, низшаго и ближайшей къ послѣднему, народной толпы или такъ называемой черни. Разумѣется, что первый кругъ въ обществѣ всегда составляютъ лица по породѣ и богатству, образованности и просвѣщенію, отъ другихъ отличные; а потому о семъ верхнемъ слоеъ общества и о томъ что къ нему относится и хочу я исключительно говорить, чтобъ пересказать современникамъ моимъ, въ концѣ 1846 года, бытъ столицъ Россійской имперіи, въ концѣ 1796 года.

Можетъ быть философія найдетъ въ немъ кое-что для своихъ соображеній; свѣтскіе же въ вѣчномъ движеніи обращающіеся люди, живущіе суточною жизнію, которыхъ все бытіе заключается въ двадцати четырехъ часовомъ существованіи, увидятъ, что я за пятьдесятъ лѣтъ Петербургъ и Москва не уступали первымъ столицамъ Европы въ образованности и просвѣщеніи; а при этомъ вспомнить можетъ быть, что Россія имѣла уже в тогдѣ своихъ Долгоруковыхъ-Крымскихъ, Румянцовыхъ-Задунайскихъ и Потемкиныхъ-Таврическихъ, Воронцовыхъ, Паниныхъ и Безбородко, Ломоносова, Карамзина и Державина, которыхъ по всей справедливости назвать можно родоначальниками нашихъ новѣйшихъ и полководцевъ, и дипломатовъ, и писателей.

Что совершенно въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ отъ 1796 года, всему тому положено начало въ предшествовавшіе имъ полвѣка, въ которомъ тридцать четыре года исключительно принадлежать къ царствованію императрицы Екатерины II, постигнувшей огромные виды Великаго Петра и довершившей въ свое царствованіе колоссальное зданіе, основаніе которому положено Петромъ. Цѣлыя столѣтія протекаютъ между царствованіями владыкъ земныхъ, подобныхъ Петру, Екатеринѣ и Александру; они бросаютъ сѣмена, изъ которыхъ вырастаютъ переживающіе вѣка дубы и кедры, которыхъ возникающія по временамъ непогоды и бури уже сломить не въ силахъ!

По вступленіи Екатерины на престолъ Россійской имперіи, общественная жизнь высшаго русскаго дворянства, обычаи, нравы и вкусъ приняли рѣшительное склоненіе къ обычаямъ, правамъ, вкусамъ и общественной жизни французовъ. Давно уже Парижъ былъ для Европы образцомъ общежитія, утонченнаго вкуса и обхожденія. Со временъ Людовика XIV, языкъ французскій дѣлался болѣе и болѣе повсемѣстнымъ и знаніе его почиталось свидѣтельствомъ отличнаго образованія.

Обученіе сему языку дѣтей съ самыхъ молодыхъ лѣтъ въ домахъ знатныхъ было безусловно необходимымъ. Высшее общество говорило по-французски и чисто и правильно. Въ остаткахъ родовыхъ боярскихъ домовъ, и самая прислуга была составлена изъ французовъ, швейцарцевъ и нѣмцевъ. Новорожденного отдавали на руки мамкѣ, обыкновенно изъ нѣмокъ; въ очень затѣйливыхъ домахъ—англичанкѣ. Какъ же скоро ребенокъ начиналъ переступать съ ноги на ногу, къ нему приставляли француженку; а по минованіи семи лѣтъ—дядьку француза, бракуя при выборѣ всѣ французскія нарѣчія (разумѣется гдѣ знали хорошо языкъ) кромѣ парижскаго! Вся важность полагалась въ выговорѣ! Само собою разумѣется, что такая прихотливость была исключительною и платилась дороже; гдѣ же ее не было, тамъ не смотрѣли на выговоръ,—особливо въ губерніяхъ, гдѣ, какъ увѣряли, многіе помѣщики, по незнанію иностранныхъ языковъ, вмѣсто французовъ принимали къ дѣтямъ въ гувернеры и учителя смѣлыхъ пройдохъ изъ нѣмцевъ и даже чухонцевъ, произносившихъ изуродованныя, французскія слова. Въ нѣкоторыхъ только извѣстныхъ домахъ въ Петербургѣ и Москвѣ говорили самымъ чистымъ французскимъ языкомъ; между большей же части подражателей знатымъ говорили, и въ Петербургѣ и Москвѣ, по-французски съ грѣхомъ пополамъ. Впрочемъ и тотъ и другой французскій разговоръ можно еще слышать и въ 1846 году въ Петербургѣ. Въ отборнѣйшихъ только обществахъ высшаго круга, пріѣзжавшіе въ Петербургъ и Москву немногіе французы удивлялись, что въ сихъ обществахъ говорили на ихъ природномъ языкѣ съ особою чистотою выговора и правильностію, что впрочемъ было естественнымъ слѣдствіемъ привычки. Дѣти отъ колыбели слышали всеневно французскій разговоръ, учились французской азбукѣ прежде русской, читали по-французски прежде, нежели по-русски и съ родителями и учителями говорили по-французски, а потому легко и выучивались сему языку. Въ дѣтскихъ комнатахъ и въ рукахъ дѣтей находились однѣ французскія книги, изъ которыхъ они выучивались и разговору на французскомъ языкѣ и священной исторіи.—Шутя знакомились они съ древнею исторіею и затверживали карты четырехъ частей свѣта.

Домашнее ученіе продолжалось до вступленія молодыхъ людей въ службу, около двадцати-лѣтняго возраста, обыкновенно въ военную по гвардіи, начиная съ унтеръ-офицерскаго чина. Я не стану утверждать, что домашнее ученіе тогдашняго времени почитать должно полнымъ и достаточнымъ. Не во всѣхъ знатныхъ и извѣстныхъ семействахъ считали необходимымъ изученіе древнихъ языковъ; но не совсѣмъ же и они забыты были. Въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ и многихъ частныхъ домахъ, до 15-ти-лѣтняго возраста, дѣтей занимали латинскимъ языкомъ.

Не надобно судить по нынѣшнимъ учебнымъ заведеніямъ домашняго образованія временъ Екатерины. Оно было тогда такъ исключительно рѣдко, что едва относилось къ цѣлому обществу какъ единица къ тысячѣ. При кончинѣ сей государыни въ Москвѣ съ трудомъ десять человѣкъ можно было насчитать домашнихъ наставниковъ, извѣстныхъ по ихъ учености, которые заслуживали имя учителей; остальные учителя, которые жили по господскимъ домамъ, были люди знавшіе только свой природный разговорный языкъ и начальныя основанія грамматики, географіи и древней исторіи, которыя они и преподавали по лучшимъ извѣстнымъ печатнымъ руководствамъ. Здѣсь было бы не у мѣста говорить о народномъ просвѣщеніи, ибо я коснулся домашнего образованія юншества, какъ предмета, принадлежащаго къ домашней жизни высшаго петербургскаго и московскаго общества. — Обращаюсь къ подробностямъ общественной жизни въ обѣихъ столицахъ.

Не одни знатные по чинамъ и высокимъ должностямъ, но и знатные по рожденію строго держались образа жизни и привычекъ бояръ старой Руси. Не всѣ имѣли огромныя каменные палаты, но всѣ содержали многочисленную крѣпостную дворню, множество лошадей, ине и псовые охоты. Никто изъ лицъ, принадлежавшихъ къ высшему дворянству, не выѣзжалъ со двора иначе, какъ въ каретахъ, запряженныхъ въ четыре и шесть лошадей, въ шорахъ или въ ямской упряжи, имѣя на запяткахъ двухъ лакеевъ. — Знатнѣйшіе сановники въ прибавокъ къ нимъ присоединяли въ залитыхъ въ золотыя галуны, бахрамы и кисти: араповъ, гайдучковъ, гусаровъ и егерей. Экипажи измѣнялись по англійскимъ и французскимъ модамъ; въ то время употреблялись: «берлинны», «купе» и «вѣзавы», въ числѣ которыхъ находились прямо выписанные изъ Лондона. Въ двухъѣстныхъ каретахъ парами ѣздили по городу одни именитые иностранные купцы, доктора, повивальныя бабки и извѣстные музыканты, а по воскресеньямъ изъ знатныхъ домовъ развозили по каркамъ учителей и учительницъ также въ двухъѣстныхъ каретахъ парами, на наемныхъ лошадяхъ; и всякое воскресенье, у инновѣрческихъ церквей въ Москвѣ, можно было видѣть по десятку такихъ каретъ, обыкновенно фасона, вышедшаго изъ употребленія. Учители и учительницы пользовались каретою цѣлый день; для прислуги имъ давались самыя неуклюжіе проводники, которые развозимыхъ учителей называли: мусье, а женщинъ мадамы. Кареты, колымаги и коляски на пасахъ или ремняхъ начали исчезать въ Москвѣ около восьмидесятихъ годовъ. Лѣтомъ, на дрожкахъ, а зимою въ саняхъ ѣздили одни мелкіе чиновники, купцы и разnochинцы. Знатнѣйшее дворянство употребляло зимою для прогулокъ такъ называемыя вѣвскія сани. Упряжь въ экипажахъ ограничивалась законоположеніемъ, которое до конца XVIII столѣтія довольно строго наблюдалось. Табелъ о рангахъ

позволяла фельдмаршаламъ и генералъ-аншефамъ имѣть упряжку въ шесть лошадей и двухъ вершниковъ; генераламъ до полковника, — упряжку въ шесть лошадей; штабъ-офицерамъ до капитана — въ четыре лошади; оберъ-офицерамъ — въ двѣ.

Древніе потомственные дворянскіе роды имѣли ливреи по цвѣту своихъ гербовъ, обшитые гербовыми басонами. Чины отъ 1-го класса до 6-го опредѣлялись нашивкою сихъ басоновъ на воротникахъ, карманахъ, обшлагахъ, по бортамъ и швамъ. Покрой парадныхъ ливрей не измѣнялся. Треугольныя шляпы обшивались богатымъ серебрянымъ или золотымъ галуномъ. Во всѣхъ знатныхъ домахъ обѣихъ столицъ, привратники, извѣстные подъ именемъ швейцаровъ, съ давнихъ временъ были въ употребленіи. Число дворовыхъ людей для прислуги было во всѣхъ домахъ чрезвычайно велико. Оно разоряло недостаточныхъ. Содержаніе многочисленной дворни, при домахъ и деревняхъ, поглощало если не половину, то конечно третью часть годовыхъ доходовъ помѣщиковъ. Многіе черезъ нѣкоторое время нечувствительно уничтожались и таяли, какъ снѣгъ на солнцѣ, отъ содержанія огромной дворни, нерасчетливаго хозяйства и неумѣреннаго хлѣбосольства. Другіе прибавляли къ тому дань французскимъ моднымъ магазинамъ, давнишней извѣ русскаго хлѣбопашества. Тысячи рукъ исключительно обрабатываютъ десятки тысячъ десятинъ земли, чтобъ заплатить Парижу за выдумки, за французскія вина и другія неисчислимыя бездѣлки.

За дворнею, конюшнею и охотою слѣдовала иностранная прислуга: камердинеры, парикмахеры и повара-французы или швейцарцы. Въ иныхъ домахъ встрѣчались французы или швейцарцы библіотекари, секретари, чтецы и друзья дома.

Доктора и лекаря домовые были по большей части изъ нѣмцевъ, но число ихъ было весьма невелико. Всѣ эти иностранцы безъ исключенія, для крѣпостной дворни изъ деревень набираемой, были настоящіе домовые, отъ которыхъ иногда и жить имъ приходилось плохо. Въ случаѣ же особливаго благоволенія хозяйки къ другу дома съ береговъ Сены или Гароны, эти друзья иногда и самого хозяина, какъ говорится, со свѣту сживали. Впрочемъ какъ бы то ни было, вкусъ русскаго дворянства къ французамъ и ко всему французскому, превратившійся въ симпатію, сблизилъ русскихъ съ европейскою цивилизаціею. Времена Екатерины представляли въ столицахъ Россіи версальскіе обычаи, утонченную роскошь и прихоти принцессъ французскихъ.

Какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ кухня и буфетъ составляли важнѣйшій предметъ роскоши. И кушанье и вина исключительно были французскія; но въ старинныхъ знатныхъ домахъ оставались еще отъ старой русскаго кухни искусные повара, которые умѣли приготовить уставныя блюда боярскихъ пировъ: кулебяки, колобовые "

подовые пироги, сборные щи, лапшу, свинину во всевозможныхъ видахъ и внутренности телатъ и барановъ, какъ-то: желудки, сычуги, салники, однимъ словомъ, всѣ блюда прямо русскія, между которыми попадались однакожъ и англійскій бифтекъ, и французскіе пастеты и итальянскія макароны; всѣ же они заключались разнообразными пирожными, желеями и блян-манже, безусловно принадлежавшими къ большимъ обѣдамъ и пирамъ. На столъ обыкновенно ставилось вино бѣлое и красное; сладкіе вина и наливки обносились; шампанское было необходимою принадлежностью только именинныхъ и свадебныхъ пировъ. Бутылка шампанскаго стоила рубль; французскія столовыя вина обходились, бутылка копѣекъ въ тридцать. Привозное англійское пиво пятнадцать копѣекъ бутылка. Наливки на всѣ плоды и ягоды были въ большомъ употребленіи какъ въ домахъ дворянскихъ, такъ и купеческихъ. Русскихъ мануфактурныхъ произведеній было такъ мало, что высшее дворянство вообще употребляло сукна, холотна, шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани и столовое бѣлье привозное, произведенія — французскихъ, англійскихъ, голландскихъ и нѣмецкихъ фабрикъ. Въ знатныхъ домахъ сукно для прислуги употреблялось также привозное, по большей части шпенское, въ дворянскихъ — домашнее. Отечественнаго сукна не выдѣлывалось даже столько, сколько онаго потребно было на обмундарованіе войскъ. Солдатское сукно, свѣтло-зеленое, самое толстое, покупалось у вольныхъ промышленниковъ и заготовлялось на немногихъ казенныхъ фабрикахъ. Одна казенная суконная фабрика находилась въ Москвѣ, извѣстная по первоначально открывшейся въ ней въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія чумѣ. Тонкія русскія сукна начали выдѣлываться въ Москвѣ и Россіи не прежде какъ въ десятихъ годахъ царствованія императора Александра.

Знатные и дворянство высшаго круга слѣдовали модамъ французскимъ и англійскимъ, которыя хотя и не перемѣнялись такъ часто какъ нынѣ, но зависѣли и тогда отъ выдумокъ модныхъ торговцевъ, которыхъ въ концѣ 1796 года едва-ли пять во всей Москвѣ насчитать можно было. Модныхъ магазиновъ и женскихъ портнихъ, извѣстныхъ въ городѣ по своему искусству выманивать деньги, было вообще очень мало. Предметы роскоши продавались въ двухъ или трехъ лавкахъ, которыя содержали голландцы и нѣмцы, извѣстныхъ подъ именемъ нюрнбергскихъ, и французскихъ. Впрочемъ иностранныхъ товаровъ всѣхъ родовъ — и самыхъ дорогихъ, и самыхъ прихотливыхъ особенно французскихъ, въ Москву привозилось всегда очень много, какъ равно дѣйствительно французскихъ столовыхъ припасовъ и винъ, которыми снабжали знатные дома, также два или три извѣстные магазина, содержимые французами. Всѣ прихотливыя и модныя вещи въ Москвѣ можно было достать во всякое время. Въ лавкахъ яблочнаго раду у

Тронцы подъ горою можно было купить и устрицы и французскіе плоды и руанскія превосходныя конфекты, однимъ словомъ, все что составляетъ предметъ самой прихотливой гастрономіи. Но употребленіе сихъ предметовъ было ограничено однимъ только кругомъ высшаго общества, а потому всѣ иностранные предметы и продавались по очень сходнымъ цѣнамъ. При семъ, не надобно забывать и того, что о лажѣ въ это время и слуху не было: серебряный рубль ходилъ сто мѣдныхъ копѣекъ, за золотой имперіалъ давали десять серебряныхъ рублей, или мѣдью пятаками также десять рублей. Точно также и ассигнаціи размѣнивались по достоинству ихъ на золото, серебро и мѣдъ и наоборотъ, безъ всякаго лажа или промѣна.

Высшее дворянство, слѣдуя модамъ французскимъ и англійскимъ, и служащіе и отставные носили фраки. Мундиры надѣвались при однихъ торжественныхъ случаяхъ. Кромѣ гражданскихъ намѣстническихъ мундировъ, въ большомъ употребленіи были и богато вышитые золотомъ, серебромъ и шелками французскіе кафтаны, которые замѣняли мундиры. Военные, служащіе и отставные въ праздники только носили мундиры, но ордена никогда не снимали и нашивали звѣзды на фраки, сюртуки, плаща и шубы; ленту носили по камзолу, въ праздничной формѣ по кафтану. Бѣлый плюмажъ былъ отлѣченіемъ и военного и статскаго генеральскаго чина. Въ собраніяхъ, и статскіе и военные всегда являлись въ чулкахъ и башмакахъ; въ военной только формѣ по утрамъ и къ обѣдамъ пріѣзжали въ сапогахъ и шпорахъ.

Въ Новый годъ, Пасху и Рождество, личныя посѣщенія и развозка визитныхъ карточекъ съ ранняго утра почитались обязанностію неизбѣжною. Въ сіи дни, знатныя дома представляли непрерывный пріѣздъ и отъѣздъ посѣтителей; по всѣмъ улицамъ разъѣздъ экипажей продолжался до глубокой ночи. Обыкновенно къ праздникамъ экипажи возобновлялись или покупались новые, какъ равно шилась и новая ливрея. Множество каретъ, запряженныхъ въ шесть и четыре лошади, являлись въ продолженіе Свѣтлой недѣли, на народномъ гуляньѣ, подъ качелями, подъ Новинскимъ; вечера проводились на балахъ или въ кругу знакомыхъ, въ многочисленномъ собраніи. У всѣхъ извѣстныхъ въ городѣ домовъ стояли десятки экипажей, и вообще городъ представлялъ исключительное движеніе и дѣятельность.

Преимущество Петербурга предъ Москвою состояло въ пребываніи высочайшаго двора, первыхъ государственныхъ сановниковъ и иностранныхъ министровъ, преимущественно всѣхъ европейскихъ столицъ. Сверхъ того, въ Петербургѣ были превосходныя италянская опера и французскій спектакль. Свѣзды у двора, балы, вечера и театръ не давали петербургской публикѣ повода жаловаться на скуку, но и Москва также имѣла много средствъ къ пріятному препровожденію времени.

Въ зимнее время, до разѣзда высшаго дворянства по деревнямъ, въ балахъ, обѣдахъ и домашнихъ спектакляхъ недостатка не было.

Благородное собраніе, носившее тогда названіе благороднаго клуба, представляло еженедѣльно въ великолѣпномъ зданіи соединеніе иногда болѣе тысячи человекъ лучшаго родовитаго дворянства изъ всѣхъ губерній имперіи. Всѣ пріѣзжавшіе въ Москву иностранцы соглашались, что подобнаго заведенія нѣтъ во всей Европѣ. Самая строгая благопристойность, учтивость и порядокъ наблюдались на балахъ во все продолженіе оныхъ. Директорами и директрисами выбирались лица изъ самаго знатнѣйшаго круга. Часто, аистивно веселые и увлекательные балы благороднаго клуба оканчивались на разсвѣтъ другаго дня, хотя впрочемъ на нихъ съѣзжались въ семь часовъ вечера. Самые блестящіе женскіе наряды и множество прелестныхъ лицъ, при великолѣпномъ освѣщеніи, составляли отличительную черту Московскаго благороднаго клуба. За годовой билетъ члены платили, сколько припомню, по 30 руб. мѣдью, дамы половину. Въ клубѣ можно было имѣть хорошій ужинъ, который стоилъ рубль мѣдью, дамы также платили половину. Въ Москвѣ былъ русскій театръ, который содержалъ нѣкто Медоксъ, какъ говорили, англичанинъ. Въ зданіи, въ которомъ помѣщался театръ, находились также огромныя залы для маскерадовъ и редутовъ. Тотъ же содержатель, въ лѣтнее время, для остающейся въ городѣ публики, открывалъ воксалы въ саду за городомъ, въ которые съѣзжалось и высшее дворянство и всѣ свободныя состоянія. Въ сихъ собраніяхъ танцовали, играли въ карты; въ саду играла музыка и вечеръ оканчивался фейерверкомъ и ужиномъ. Во всѣхъ собраніяхъ безъ исключенія наблюдался строжайшій порядокъ и не было примѣра проществу, выходящему за предѣлы благопристойности.

Московское общество рѣдко показывалось на улицахъ, собственно для прогулки; впрочемъ и публичныхъ мѣстъ въ городѣ для гулянья не было, кромѣ одного дворцоваго сада, находившагося въ Нѣмецкой слободѣ, при Лефортовскомъ дворцѣ. Собственно въ городѣ гулять негдѣ было, и въ послѣдніе только годы царствованія императрицы Екатерины высшее дворянство стало показываться на стѣланной набережной Москвы-рѣки у Кремля, отъ Тайницкихъ воротъ до такъ называемаго Живаго (деревяннаго) моста; но на сію прогулку пріѣзжали въ каретахъ какъ и на всѣ народныя гулянья. Кремль въ это время и наружныя стѣны и башни его оставались въ полномъ видѣ своей глубокой старины. Соборы, церкви въ Кремлѣ привлекали ежедневно многочисленное стеченіе народа московскаго и иногороднаго.

Народныя гулянья въ лѣтнее время, на которыя собиралось и высшее дворянство въ экипажахъ, и жители города, находились у монастырей и начинались: первое весеннее у Новодѣвичьяго монастыря

на такъ называемомъ Дѣвичьемъ полѣ; а въ теченіе лѣта—подъ монастырями: Донскимъ, Новоспасскимъ и многими другими, вблизи города находящимися.—На эти гулянья съѣзжались преимущественно купцы, и собирались люди средняго состоянія. Лѣтнія гулянья открывались 1-го мая большимъ съѣздомъ нѣсколькихъ сотъ экипажей на находившемся за городомъ урочищѣ «Нѣмецкіе станы», за которымъ слѣдовало гулянье въ «Марьиной рощѣ», въ той-же сторонѣ и въ ближайшемъ къ городу мѣстѣ, Всесвятскомъ. Знатныя семейства московскаго общества переѣзжали на лѣто въ ближайшія къ городу подмосковныя; прочее дворянство разѣзжалось по помѣстьямъ своимъ внутри имперіи. Вскорѣ послѣ Пасхи начинался отъѣздъ послѣднихъ; многіе уѣзжали въ теченіе поста и возвращались въ Москву по зимнему пути, къ празднику Рождества Христова. Девятимѣсячное пребываніе въ деревнѣ и хозяйство доставляли помѣщикамъ возможность обезпечивать временное содержаніе свое въ Москвѣ и доставлять себѣ возможныя удовольствія. Впрочемъ, можно насчитать нѣсколько примѣровъ, что безразсудное подражаніе богатымъ и знатымъ разорило многія семейства.

Я представилъ въ общихъ очеркахъ картину общественной жизни и образованія русскаго дворянства въ концѣ XVIII вѣка. Всѣ подробности общегитія, мною описанныя, если не имѣютъ никакой цѣны въ глазахъ мудраго, то могутъ служить урокомъ для не мудрыхъ, показывая, какъ ничтожны сами по себѣ условія общественной жизни.

II.

Служба дворянъ въ войскахъ.—Преимущество гвардіи передъ арміею.—Расположеніе гвардіи въ столицѣ.—Порядокъ производства.—Значеніе городского положенія и грамоты о преимуществахъ, дарованныхъ дворянству.—Образованіе намѣстничествъ.—Образъ жизни провинціальнаго дворянства.

Со введенія Петромъ I-мъ регулярной военной службы въ Россіи, собственный примѣръ его далъ между дворянствомъ перевѣсъ военной службѣ предъ статскою. Основанные имъ гвардейскіе полки, были рассадниками, въ которыхъ исключительно бояре и дворяне начинали службу рядовыми и постепенно производились въ унтеръ-офицерскіе чины, до производства ихъ въ офицеры. Родной прадѣдъ мой по матери, любимецъ Петра I-го, Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, былъ подполковникомъ гвардіи, а сынъ его, отецъ моей матери, въ то же время и въ томъ же полку—солдатомъ. Отправляя дѣйствительную фронтовую службу, по-очереди онъ сопровождалъ колодниковъ скованныхъ желѣзами, кото-

рые ходили по городу собирать милостыню. Въ царствованіе императрицы Елисаветы, онъ былъ ближайшимъ къ особѣ ея камергеромъ, имѣлъ орденъ св. Анны первой степени и, при открытіи мощей Димитрія матрополита Ростовскаго, сопровождалъ туда изъ Москвы (находясь уже въ отставкѣ) государыню императрицу, по высочайшему приглашенію.

Въ концѣ царствованія императрицы Екатерины, хотя и были еще примѣры поступленія дворянъ въ гвардейскіе полки рядовыми, но примѣры сіи были уже рѣдки. Одни только бѣднѣйшіе однодворцы принимались рядовыми, дворяне же поступали въ гвардейскіе полки капрами и унтеръ-офицерами; дѣти знатныхъ семействъ, въ колыбели еще, записывались сержантами и до явки въ полкъ на дѣйствительную службу, около 18-ти-лѣтняго возраста, отъ командующихъ полками получали домовые отпуска до окончанія наукъ. Виды сія ежегодно возобновлялись, и вмѣстѣ съ совершеннolѣтіемъ наступала обязанность явиться въ полкъ на дѣйствительную службу, до производства въ офицеры, въ армию или по гвардіи. Исключая поступившихъ въ кадетскіе корпуса, все дворянство обучалось на собственной счетъ тѣми средствами, какія къ приобрѣтенію образованности позволяло употреблять состояніе. Одинъ Пажескій корпусъ доставлялъ исключительно право воспитанникамъ своимъ, число коихъ было очень ограничено, поступать прямо въ гвардію поручиками. Кадетскіе корпуса были разсадниками офицеровъ армейскихъ, артиллерійскихъ и инженерныхъ, пѣхотныхъ и кавалерійскихъ.

Гвардія имѣла огромное преимущество предъ арміею. Сержанты гвардіи выпускались въ армию капитанами; капитаны—полковниками или бригадирами къ статскимъ дѣламъ. Оберъ-офицеры гвардейскіе переходили въ армию, безъ всякаго исключенія, штабъ-офицерами. Не всѣ капитаны съ чиномъ полковника получали и полки; полки давались по особымъ уваженіямъ и одобреніямъ непосредственныхъ высшихъ военныхъ начальниковъ. Не родовые дворяне въ офицеры гвардіи не производились. Военное устройство армій того времени довольно извѣстно, и я считаю нужнымъ сказать здѣсь то только, что капитаны гвардіи, производившіеся бригадирами къ статскимъ дѣламъ, никогда не получали въ командованіе свое никакихъ отрядовъ, хотя состояли по военному списку. Находившіеся только на дѣйствительной службѣ полковники и командиры полковъ производились за отличіе въ бригадные командиры и получали въ командованіе отряды. Чинъ военнаго бригадира равнялся гражданскому чину статскаго совѣтника и подобно оному имѣлъ на шляпѣ бѣлый плюмажъ, а на парадномъ мундирѣ—половину цѣлаго генеральскаго штыя. Эполеты имѣли одни штабъ-офицеры, на одномъ плечѣ. Штыя на мундирахъ, шарфы, темляки въ пѣхотѣ, флотѣ и артиллеріи были золотые; въ ка-

валеріи и по инженерной части—серебряные. Военная кокарда была бѣлая изъ шелковой ленты. Со времени только фельдмаршала князя Потемкина, въ командуемой имъ турецкой арміи, отставлена прическа, косы и пудра, и введены короткіе мундиры, широкіе брюки и разнаго вида каски; офицеры и генералы, до воцаренія императора Александра, носили косы и пудрились, такъ какъ до сего же времени всѣ гвардейскіе полки также имѣли и косы и пукли и употребляли для прически вмѣсто помады—свѣчное сало; вмѣсто пудры—муку. Въ царствованіе Екатерины, гвардейскіе полки расположены были въ Петербургѣ на мѣстахъ, которыя нынѣ носятъ названія сихъ полковъ; казармъ для нихъ еще не существовало. Въ каждомъ полку находились офицерскія улицы, сохранившія по сіе время свое названіе, на которыхъ выстроены были такъ называемыя офицерскія связи, бывшія собственностію офицеровъ; рядовые размѣщались въ особенныхъ улицахъ, называемыхъ солдатскими слободами, въ отдѣльныхъ домикахъ и избахъ деревянныхъ. Въ служебнаго времени гвардейскіе солдаты занимались хозяйствомъ и торговлею. Нынѣшняя Бассейная улица, близъ Литейной, сохраняла названіе девятой роты, потому что въ ней дѣйствительно находились жилища рядовыхъ девятой роты Преображенскаго полка, который вокругъ церкви Преображенія расположенъ былъ по прилегающимъ къ ней улицамъ до Лиговскаго канала. Точно такъ-же были расположены въ городѣ и полки Семеновскій, Измайловскій, Конная гвардія и прочія гвардейскія команды.

Въ каждомъ гвардейскомъ полку кромѣ постоянно отправлявшихъ дѣйствительную службу унтеръ-офицеровъ, состояло по спискамъ: капраловъ, унтеръ-офицеровъ и сержантовъ до 500 человекъ, такъ что въ трехъ пѣхотныхъ полкахъ: Преображенскомъ, Семеновскомъ и Измайловскомъ и Конной гвардіи считалось записанными на службу не менѣе 2.000 человекъ родовыхъ русскихъ, малороссійскихъ, бѣлорусскихъ и остъ-зейскихъ дворянъ. Чтобы не приувеличить числа, боюсь утверждать, что число сихъ дворянъ далеко простиралось за мое догадочное на одной памяти основанное предположеніе; впрочемъ въ архивахъ гвардейскихъ полковъ это легко повѣрить. Общее производство по гвардіи унтеръ-офицеровъ въ офицеры и повышение офицеровъ производилось одинъ разъ въ годъ, 1-го января, и утверждалось собственноручною подписью императрицы, по примѣру Петра именовавшейся полковникомъ cadaго гвардейскаго полка, въ которыхъ числились подполковниками фельдмаршалы и полные генералы, а командовали полками майоры гвардіи въ чинахъ генеральскихъ. Ежегодный докладъ о производствѣ, отъ cadaго полка, императрицѣ подносили подполковники, и командующіе полками.

Изъ унтеръ-офицеровъ cadaго гвардейскаго полка производилось

въ офицеры того же полка не болѣе 10-ти или 15-ти человѣкъ, но выпускалось въ армію изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ отъ подпоручика до капитана болѣе 500 человѣкъ. Какъ производствомъ, такъ и выпускомъ въ особенности озабочивались полковые секретари, которые выбирались изъ фронтовыхъ офицеровъ; лица важныя въ полковомъ управленіи по финансовой части, которымъ, какъ слухъ тогда носился, возмозможность переставлять по списку низшіе нумера выше высшихъ приносила столько пользы, что они чрезъ нѣкоторое время могли приобрѣтать по нѣскольку сотъ душъ. Имена ихъ были очень громки въ тѣхъ семействахъ, гдѣ отцы и матери почитали за величайшее для себя несчастіе, когда сынки ихъ не были до 20 лѣтъ гвардейскими офицерами. Но такъ какъ число сержантовъ, производимыхъ по гвардейскимъ полкамъ въ офицеры, не было такъ велико и почти невозможно было внести въ докладной списокъ не родового дворянина, то разумѣется, что главную спекуляцію секретарей полковъ составлялъ выпускъ въ армію. Впрочемъ и покровительство, и связи доставляли иногда покровительствуемымъ сильными людьми, но дворянамъ только, возмозможность быть произведенными безъ очереди офицерами гвардіи, что и дѣлалось черезъ переводы изъ одного полка въ другой—и другіе соображенія. Ежегодная убыль унтеръ-офицеровъ по гвардіи пополнялась новорожденными, часто до рожденія, чему никто не повѣрялъ.

Унтеръ-офицеры гвардіи, на очереди къ производству въ офицеры, назначались къ подполковникамъ полковъ своихъ и командующимъ оными на бесѣмѣнные ординарцы и, находясь при нихъ, ожидали производства въ офицеры; тѣ изъ нихъ, которые находились при князѣ Потемкинѣ, имѣли къ тому ближайшіе случаи, ибо князь, который болъшую часть времени находился при турецкой арміи, которою командовалъ, отправлялъ ихъ курьерами къ императрицѣ; тѣ же изъ сержантовъ, которые находились при полкахъ въ Петербургѣ въ ожиданіи производства въ офицеры, отправлялись отъ иностранной коллегіи курьерами въ европейскія столицы съ депешами къ российскимъ посламъ и министрамъ, при которыхъ и оставались нѣкоторое время, какъ чиновники посольства; а по возвращеніи въ Петербургъ, не въ очередь производились въ офицеры гвардіи, что доставляло имъ право на приглашеніе въ Эрмитажъ и въ высшій кругъ петербургскаго общества.

Въ сей періодъ низшія степени гражданской службы не занимались еще дворянствомъ, которое исключительно посвящало себя военному званію и, прослуживъ нѣкоторое время въ военной службѣ, поступало въ гражданскую, сохраняя обыкновенно военный чинъ и занимая мѣста, сообразныя чинамъ своимъ, по гражданской службѣ и дворянскимъ выборамъ.

Къ важнѣйшимъ изъ государственныхъ постановленій время Екате-
рины II конечно принадлежатъ: дарованная дворянству грамота и
городовое положеніе. Сіи законоположенія присвоили двумъ первымъ со-
стояніямъ въ государствѣ самостоятельность, которой до сего ни одно
сословіе въ народѣ не имѣло. Удѣльные князья, бояре и дворяне XV
и XVI вѣковъ, составлявшіе въ Россіи высшее сословіе, никогда не
имѣли другихъ правъ и преимуществъ, кромѣ сохранившихся по преда-
нію, не основанныхъ на древнихъ хартіяхъ или кодексахъ, а укоренив-
шихся на одной давности и привычкѣ. До Екатерины, богатство и спѣсь
боярскихъ родовъ составляли всю ихъ силу и достоинство! Законы и
суды для нихъ не существовали, они тѣснили низшихъ и маломощныхъ
дворянъ какъ рабовъ своихъ. Временщики, которые были ихъ сильнѣе,
въ свою очередь не давали имъ возможности оградить себя отъ ихъ на-
падковъ и притѣсненій. Суды и начальство покровительствовали тѣмъ,
кого опасались. Корыстолюбіе было единственнымъ двигателемъ правосудія,
которое продавалось, а не давалось даромъ.

Учрежденіе объ управленіи губерній положило нѣкоторое начало пу-
бличному праву и конецъ, хотя несовершенный, насилію и самоуправ-
ству. Дворянская грамота и городовое положеніе образовали самостоя-
тельныя сословія, получившія права и преимущества, отдѣлившія ихъ
отъ прочихъ состояній, и предоставили имъ исключительное право под-
судности лицамъ изъ среды своей, сословіемъ избранныхъ. Такъ осно-
валось въ Россіи избирательно-представительное право въ сословіяхъ
дворянскомъ и купеческомъ, которое и сдѣлалось источникомъ граждан-
ской свободы сихъ двухъ сословій. Если въ послѣдствіи времени въ
выборы дворянскіе вкрались злоупотребленія, то первоначальные вы-
боры при ихъ учрежденіи по всѣмъ намѣстничествамъ пали на людей
достопочтенныхъ, извѣстныхъ и достаточныхъ помѣщиковъ, пользовав-
шихся общимъ уваженіемъ и довѣренностію.

Приказы общественного призрѣнія, сиротскіе суды, опеки, третей-
скіе и словесные суды, въ столицахъ управы благочинія, земскіе и
уѣздные суды, званія предводителей дворянства, депутатскія собранія,—
однимъ словомъ, все систематическое раздѣленіе государственнаго управ-
ленія получило начало въ царствованіе императрицы Екатерины II и
привлекло на службу многочисленное дворянство русское, которое до
того доживало до глубокой старости въ своихъ деревняхъ, не принося ни
государству, ни сословію своему никакой пользы.

Учрежденіе намѣстничествъ и намѣстниковъ, послѣдовавшее за двад-
цать одинъ годъ до кончины Екатерины, было мѣрою обдуманною и
удобнѣйшимъ средствомъ сосредоточить на извѣстныхъ пунктахъ обшир-
нѣйшей въ мірѣ имперіи правительственную власть и непосредствен-
ный надзоръ главнаго начальника, представителя верховной власти,

облеченнаго полною довѣренностію и силою для немедленнаго прекращенія злоупотребленій на мѣстѣ и для распространенія свѣтской образованности въ странахъ отъ столицъ удаленныхъ, гдѣ просвѣщеніе едва проявляться начинало. Въ намѣстники назначались императрицею савонники военные и гражданскіе, службою и способностями монаршую довѣренность приобрѣтшіе. Они были обезпечены достаточнымъ содержаніемъ, несмотря на собственный ихъ достатокъ, такъ что могли съ достоинствомъ отправлять званіе представителей верховной власти. Сверхъ военныхъ штабовъ, намѣстники имѣли при себѣ почетныхъ молодыхъ дворянъ, въ видѣ пажей и чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ, составлявшихъ огромныя ихъ свиты. При каждомъ домѣ намѣстника, великолѣпно убранномъ, находился казенный серебряный сервизъ. При вступленіи императора Павла I-го на престолъ, сервизы сіи употреблены были на кавалергардскіе латы. Съ своей стороны намѣстники къ достаточному казенному содержанію прибавляли собственные свои значительные доходы и содержали дома свои какъ дворцы, въ которыхъ губернское дворянство и чиновники видѣли образчикъ двора и условныхъ приличій высшаго общества, утонченнаго вкуса и обхожденія людей, къ сему кругу принадлежащихъ.—Все это способствовало къ нечувствительному истребленію грубыхъ и невѣжественныхъ привычекъ дворянъ, мало выѣзжавшихъ изъ своихъ деревень и не имѣвшихъ даже понятій о свѣтской образованности.

Намѣстники давали балы, вечера, спектакли и обѣды, которые были уроками для дворянъ, не выѣзжавшихъ изъ своихъ губерній или деревень, и приучали ихъ отвыкать отъ закоснѣлыхъ привычекъ сельской жизни. Какъ собранія въ домахъ намѣстниковъ, такъ и выборы, вызывая помѣщиковъ съ ихъ семействами въ губернскіе города, служили поводомъ къ сближенію дворянства, которое сохраняло иногда вражду между семействами, переходившую отъ отцовъ къ дѣтямъ.

Обычаи петербургскіе и московскіе постепенно распространялись по всѣмъ губернскимъ городамъ, и провинціалы, хотя и не измѣняли домашняго своего быта, со всѣмъ тѣмъ, въ собраніяхъ не показывались уже въ странныхъ платьяхъ, вышедшихъ изъ употребленія, а по большей части носили губернскіе мундарты. Парики носили одни дѣйствительно плѣшивые—а не по модѣ, какъ при Петрѣ Великомъ и до восьмидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія.

Говоря о службѣ въ губерніяхъ, я присовокуплю здѣсь нѣсколько словъ и объ образѣ жизни губернскаго дворянства.

И въ губернскихъ городахъ, и въ имѣніяхъ нѣкоторыхъ дворянъ встрѣчались иностранцы учителя и учительницы, но число ихъ было очень ограничено, и многородное дворянство вообще держалось образа жизни чисто русскаго. Другой зелени на кухняхъ не употребляли кромѣ

крапивы, капусты и огурцовъ; салатъ, щавель, шпинатъ, спаржа и прочія овощи на русской кухнѣ не употреблялись. Лѣтъ за 10-ть до кончины Екатерины, одинъ московскій житель, помѣщикъ ближайшей губерніи, пріѣхавъ на лѣто въ свое помѣстье, во время пребыванія своего въ немъ былъ посѣщаемъ сосѣдями. Имѣя при себѣ хорошаго повара, онъ пригласилъ одинъ разъ къ обѣду нѣсколькихъ сосѣдей. Между прочимъ за столомъ подавали соусъ изъ шпината съ яйцами, любимое блюдо хозяина, хорошо приготовленное и которымъ онъ исключительно подчивалъ гостей своихъ. Нѣкоторое время спустя, и онъ былъ приглашенъ къ одному изъ обѣдавшихъ у него сосѣдей. Обѣдъ состоялъ изъ русскихъ кушаній. Между ними, по подражанію московскаго гостя, явилась и зелень съ яйцами, которою хозяинъ, подчуя посѣтителя, сказалъ, что приказалъ нарочно приготовить сіе блюдо, замѣтя у него за обѣдомъ, что онъ любитъ зелень. Наружный цвѣтъ соуса и самый запахъ предвѣщали что-то непохожее ни на щавель, ни на шпинатъ; но дѣлать было нечего, надобно было уступить добродушному подчиванію, и гость положилъ нѣсколько зелени на свою тарелку, но едва могъ проглотить первый глотокъ. Зелень употребленная для соуса была: калуферъ, заря и Божье дерево съ молокомъ—вѣроятно какъ единственная зелень, которая росла въ огородѣ.

Французскія вина какъ въ Москвѣ, такъ и въ губерніяхъ мало употреблялись; ихъ замѣняли наливки и пиво. Десертъ за обѣдомъ не подавали, а приготовляли въ гостиной, гдѣ онъ оставался до разѣзда гостей. Чай въ употребленіи въ Россіи съ незапамятныхъ временъ; но и кофе давностію вѣроятно можетъ съ нимъ соперничать и вѣроятно введенъ въ Россію вмѣстѣ съ пріѣхавшими въ нее нѣмцами. Восковыя свѣчи употреблялись только въ самыхъ знатныхъ домахъ, даже и желтаго воска, на освѣщеніе употреблялись вездѣ салныя, какъ въ шандалахъ на столахъ, такъ и на стѣнахъ въ жирандоляхъ и люстрахъ, повсемѣстно хрустальныхъ. Лампы вошли въ употребленіе только въ началѣ нынѣшняго столѣтія. И въ губерніяхъ шампанское употреблялось на свадебныхъ и именинныхъ только пирахъ; но фрукты, конфекты, мороженыя и разныя питія разносились безъ остановки въ большомъ изобиліи на балахъ, званыхъ обѣдахъ и ужинахъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ губерніяхъ.

Въ столицахъ, въ губернскихъ городахъ и даже помѣстьяхъ, домашняя многочисленная прислуга изъ крѣпостной двораи чрезмѣрно была отягощена формою. Сверхъ обыкновенныхъ занятій, офиціанты и лакеи съ ранняго утра должны были быть причесаны, напудрены, въ чулкахъ, башмакахъ и ливреѣ. Въ сюртукахъ, они прибирали только комнаты и выѣзжали въ дурную погоду за каретами. Офиціанты имѣли отъ лакеевъ отличное платье: кафтаны и камзолы, по большей части

красные, обложенные по борту золотыми галунами — по подражанію придворной ливреѣ. Арапы, въ богатыхъ костюмахъ, съ давнихъ временъ входили въ Россію въ знатныхъ домахъ въ число прислуги.

III.

Просвѣщеніе и литература при Екатеринѣ II.—Заслуги Карамзина какъ преобразователя русскаго языка.—Злоупотребленія въ администраціи.—Особенность московской жизни: театры, музыка и скачки.—Значеніе комедіи Фон-визина „Недоросль“ для характеристики тогдашняго общества.

Просвѣщеніе при вступленіи Екатерины II на престолъ не было еще особою отраслію государственнаго управленія. С.-Петербургская Академія Наукъ, Сухопутный и Инженерный кадетскіе корпуса и Московскій университетъ были единственными учеными и учебными заведеніями въ Россіи. Въ царствованіе ея, основанъ греческій кадетскій, нынѣ морской корпусъ, и въ Москвѣ главное народное училище для всѣхъ состояній безъ исключенія, даже крѣпостнаго. Сверхъ сего благородный своекоштный университетскій пансіонъ, два или три мужскихъ и женскихъ частныхъ пансіона и нѣсколько уѣздныхъ и приходскихъ училищъ составляли для Россіи единственные свѣтскіе разсадники народнаго просвѣщенія. Университетомъ управляли: кураторъ, директоръ и ректоръ; училищами—особый директоръ. Благородный университетскій пансіонъ имѣлъ собственнаго директора. Кураторомъ университета былъ при кончинѣ Екатерины извѣстный русскій поэтъ и прозаикъ, въ свое время знаменитый М. М. Херасковъ; директоромъ благороднаго университетскаго пансіона—профессоръ Московскаго университета Прокоповичъ-Антонскій. Московскій благородный пансіонъ образовалъ многихъ государственныхъ чиновниковъ. Студентомъ Московскаго университета былъ Карамзинъ. Въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, сверхъ наукъ, принадлежащихъ къ гимназическому курсу и въ особенности русской словесности, преподавались языки: французскій, нѣмецкій и англійскій, фехтованіе, музыка и танцы. Курсъ продолжали съ опредѣленнаго времени, и каждый учебный годъ заключался переводнымъ и публичнымъ испытаніями. Къ числу лучшихъ учебныхъ заведеній тогдашняго времени надобно также присоединить частный въ Ревелѣ пансіонъ, въ который многіе извѣстные родители посылали изъ Москвы дѣтей своихъ. Въ высшемъ кругу московскаго общества обученіе и образованіе юношества исключительно поручалось иностраннымъ домашнимъ наставникамъ, которыхъ преимущественно выписывали изъ Женевы, Монбельяра и Страсбурга. Въ двухъ извѣстныхъ въ тогдашнее время

московскихъ домахъ были учителями два замѣчательныя лица: одинъ французъ Марѣ, другой швейцарецъ Сеже, впоследствии секретарь Женевскаго революціоннаго комитета. Первый находился въ домѣ камергера В. П. Солтыкова, послѣдній — въ домѣ П. А. Толстаго. Когда парижскій Марѣ сдѣлался ужасомъ человѣчества, московскій Марѣ, родной братъ его, просилъ у императрицы дозволенія перемѣнить свою фамилію и называться по мѣсту рожденія своего Дюбудри, на что получилъ соизволеніе и вступилъ въ русскію службу. Хотя между ними учителями и встрѣчались иногда въ столицахъ прямо ученые люди, но въ губерніяхъ и у помѣщиковъ въ деревняхъ въ учителя, вмѣсто французовъ, нанимались нѣмцы, а въ Москвѣ въ нѣкоторыхъ домахъ попадались и гасконцы. Имѣя хорошихъ домашнихъ наставниковъ, многіе молодые люди брали сверхъ того private уроки у университетскихъ профессоровъ. Изъ числа учебныхъ предметовъ не исключался иногда и латинскій языкъ; но французскій составлялъ исключительную потребность. Нѣмецкій, англійскій и итальянскій во многихъ домахъ къ нему присоединяли, и многіе русскіе обоехъ половъ на сихъ языкахъ свободно объяснялись.

Говоря о немногихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи при кончинѣ Екатерины II, нельзя забыть Московской славяно-греко-латинской академіи, основанной въ 1677 г., замѣчательной какъ по классическому ученію, такъ и по преподаванію древнихъ и новѣйшихъ языковъ, особенно же по великому числу ученыхъ мужей и краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ, которые въ ней образовались. Академія находилась на Никольской улицѣ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Она исключительно предназначалась для духовенства; но въ ней образовались и многіа свѣтскія лица, занимавшія впоследствии значительныя мѣста въ государственномъ управленіи и по разнымъ частямъ гражданской службы. На содержаніе ея изъ казны ежегодно отпускалось на учителей, бібліотеку, академическія починки и на содержаніе 500 человѣкъ учениковъ 4.840 руб. ассигнаціями!!! Золотой вѣкъ! Впрочемъ, столь малое содержаніе сдѣлается понятнымъ, когда будетъ принято въ уваженіе, что большая часть учениковъ находилась на жительство въ самой академіи, да и внутреннее устройство учебныхъ заведеній тогдашняго времени не представляло тѣхъ потребностей, которыя нынѣ безусловно требуются.

При всей ограниченности учебныхъ заведеній тогдашняго времени, не менѣе того Державинъ, творецъ оды «Богъ», писалъ оды: «Счастіе» и «Вельможу»; Дмитріевъ, Нелединскій, Пушкинъ (Василій) сочиняли премиленькія стишки, а Карамзинъ извлекалъ изъ славяно-русскаго языка письменный и разговорный языкъ, которымъ красуется 50 лѣтъ русская словесность. Ему принадлежитъ имя родоначальника изящной, благородной, чистой и увлекательной русской прозы, которую современники его

скоро оцѣнили и которая быстро распространилась и въ духовныхъ сочиненіяхъ, и въ государственныхъ актахъ, въ оффиціальной и частной перепискахъ. «Письма русскаго путешественника» — образецъ вѣстольнаго и повѣствовательнаго слога. Въ то же время, когда Карамзинъ началъ издавать «Московскій журналъ» и отлично хорошіе переводы свои, другой студентъ Московскаго университета, поступившій уже въ государственную службу, Лабзинъ, извѣстный издатель многихъ собственныхъ сочиненій и переводовъ съ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, начиналъ литературное свое поприще печатаніемъ, для скуднаго русскими сочиненіями русскаго театра, переводовъ своихъ, драмы французскаго писателя Мерсье, «Судья» и комедіи Бомарше, «Фигаро-ва женидѣба». Замѣчательное время! Въ сія же послѣдніе годы XVIII столѣтія, въ Александро-Невской академіи созрѣлъ геніальный талантъ. Уроженецъ Владимірской губерніи, сынъ сельскаго священника, студентъ сей академіи, предпочтя ожидавшую его митру на одной изъ первыхъ російскихъ каедръ, оставлялъ Невскую академію для поступленія на низшія степени гражданской службы. Сей незабвенный геній былъ — графъ Сперанскій, обновитель русскаго канцелярскаго слога, образовавшагося по слогу уложенія и до учрежденія министерствъ доступнаго одному поколѣнію подъячихъ.

Вообще, до начала XIX столѣтія, гражданская служба, на высшихъ степеняхъ государственныхъ должностей, за малымъ исключеніемъ, наполнялась военными людьми, прослужившими пол-жизни со шпагою въ рукахъ и отличенными знаками храбрости и заслугъ. Большая часть изъ нихъ образовалась въ кадетскихъ корпусахъ и служила въ гвардіи и арміи, отъ первыхъ офицерскихъ до штабскихъ и генеральскихъ чиновъ. Большая часть сохраняла и при переходѣ въ гражданскую службу чины военные. Сія заслуженные воины засѣдали въ сенатѣ и коллегіяхъ, занимали мѣста губернаторовъ и вице-губернаторовъ, опредѣлялись предсѣдателями и совѣтниками въ палаты. Занимали высшія должности по выборамъ дворянскимъ и пользовались общимъ уваженіемъ и довѣренностью. Одно секретарство и канцелярскія должности переходили отъ отцовъ къ дѣтямъ, въ кастѣ подъячихъ, которымъ присвоено было, почитаемое однознаменательнымъ, названіе — крючковъ. Смѣло и безошибочно сказать можно, что высшіе и средніе сановники, поступая въ гражданскую службу, въ чинахъ военныхъ, на военномъ поприщѣ заслуженныхъ, не получивъ приготовительнаго образованія къ гражданской службѣ; многіе судьи, совѣтники и предсѣдатели бывали иногда невинными жертвами корыстолюбія своихъ секретарей, руководствовавшихся ихъ невѣжествомъ въ дѣлахъ и торговавшихъ ихъ совѣстью, что и было причиною, что дѣла самыя справедливыя искажались пристрастіемъ и подкупомъ. — Члены судовъ въ согласіи съ стряп-

чими и прокурорами не боялись ни коллегій, ни сената, ни генераль-прокурора, съ канцеляріями и секретарями которыхъ они состояли въ корыстныхъ связяхъ; и потому все зависѣло, по старинной поговоркѣ: «не отъ суда—а отъ судьи». Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, подкупъ сдѣлался къ несчастію всеобщимъ; всѣ должности были оцѣнены и, къ стыду времени и нравовъ, продавались дѣлопроизводителями временщиковъ тому, кто платилъ больше.

Здѣсь спросать можетъ быть, что способствовало въ сіе время къ искаженію законовъ и взяточничеству? Время и опытъ на сіе отвѣтствуютъ: гдѣ нѣтъ полнаго, яснаго и опредѣлительнаго свода законовъ, извѣстнаго всѣмъ гражданамъ, гдѣ допускаются изъятія, гдѣ рѣшеніе дѣла зависитъ отъ изложенія, дѣлаемаго секретаремъ, гдѣ тяжущіеся или подсудимый при сужденіи защищать правъ своихъ не могутъ, тамъ искаженіе законовъ и взяточничество должны господствовать.

Невѣжество законовъ было во времена Екатерины главнымъ основаніемъ мздоимства. Оно питало и алчность и корыстолюбіе подъяческаго племени, для котораго вѣра заключалась въ ношеніи на шеѣ креста, а благородство въ 14-мъ классѣ, доставлявшемъ титулъ «благородіе».

Большая часть подъячихъ всѣхъ степеней и отѣнковъ не почитала даже преступнымъ торговаться съ тяжущимися до принятія той или другой стороны. Къ прискорбію согласиться должно, что въ достославное царствованіе Екатерины, корыстолюбіе и мздоимство по гражданскому вѣдомству такъ были общими и въ особенности въ послѣдніе годы сего царствованія, что подъ щитомъ безстыдства никто не страшился уже ни упрековъ совѣсти, ни общественнаго мнѣнія.

Съ перенесеніемъ на берега Балтійскаго моря, въ новую столицу, правъ первопрестольнаго города, императоръ Петръ I не хотѣлъ переносить въ нее ни обычаевъ, ни нравовъ, ни повѣрій древняго велико-княжества Московскаго. И убѣжденіемъ, и силою, и властію онъ заставлялъ переселенцевъ московскихъ отставать на берегахъ Невы отъ стародавнихъ своихъ привычекъ и забывать московскіе бороды, охобни и ковши. Но не вся Москва перешла на берега Невы. При Кремлѣ, при Грановитой палатѣ, при соборахъ и Иванѣ Великомъ остались старинныя русскія повѣрья и привычки, которыя, чрезъ сто лѣтъ, ослабли и измѣнились такъ, какъ и самыя московскія зданія. Все стирается въ мірѣ вещественномъ. Одна любовь къ отчизнѣ не ветшаетъ и не гаснетъ въ сердцахъ, дышущемъ благосостояніемъ земли родной. Самоѣдъ въ сыромъ подземельѣ ѣстъ невареную рыбу, и на родинѣ своей доволенъ и счастливъ. Большинство старыхъ бояръ московскихъ, почитая преобразование неволею и не желая имъ подвергнуться, осталось при стѣнахъ кремлевскихъ. Петръ и не насилывалъ ихъ. Менѣе зараженные

боярствомъ и старообрядчествомъ оставили и бороды, и Москву и перебрались за Петромъ въ ново-заложенную имъ столицу Россійской имперіи. Москва оставалась еще Москвою до кончины Екатерины. Въ восьмидесятихъ только годахъ XVIII-го столѣтія молодое русское дворянство, настроенное французскимъ философизмомъ, подавалось уже на французскія новизны. Такъ дома: графа Шереметьева, сына фельдмаршала, князей Голицыныхъ, потомковъ фельдмаршала и адмирала, фельдмаршала графа Разумовскаго, графовъ Салтыковыхъ, графовъ Орловыхъ, князей Долгоруковыхъ, князей Вяземскихъ, князей Барятинскихъ, князей Щербатовыхъ, графовъ Головиныхъ, графовъ Головкиныхъ и многихъ другихъ, представляли во всемъ блескъ картину наслѣдственной знатности, богатства и гостепріимства во всѣхъ видахъ. Огромные въ Москвѣ дома, великолѣпныя подгородныя владѣнія, не уступавшія царскимъ помѣстьямъ и дворцамъ, находившіяся въ окрестностяхъ Москвы, на пространствахъ нѣсколькихъ верстъ соединяли прелестнѣйшія мѣстоположенія и огромныя каменные зданія. Кусково и Останкино, принадлежавшія оберъ-камергеру графу Шереметьеву, Архангельское, принадлежавшее князю Голицыну, Ильинское—графу Остерману и многія другія подмосковныя, въ окрестностяхъ города и въ Московской губерніи находящіяся и принадлежавшія, какъ родовыя достоянія, знаменитому древнему московскому дворянству, остались и понынѣ памятниками великолѣпія и вкуса тогдашняго времени. Впрочемъ, если нынѣ чертоги и сады сихъ помѣстій не оживлены тѣмъ блескомъ, который придавало имъ присутствіе ихъ именитыхъ владѣтелей, со всѣмъ тѣмъ по нимъ судить можно, что, въ концѣ послѣдняго вѣка, русское высшее дворянство не уступало европейскимъ знаменитостямъ ни въ утонченномъ образѣ жизни, ни во вкусѣ, ни въ обладаніи драгоцѣнными произведеніями художествъ, ни въ личномъ образованіи, свѣдѣніяхъ и любви.

Въ концѣ царствованія императрицы Екатерины спектакли и музыка сдѣлались любимой забавой высшаго московскаго общества. Многіе знатные дома имѣли огромныя оркестры для концертовъ и баловъ и собственные театры, актеровъ для комедій и оперъ и танцовщиковъ для балетовъ. Всѣ эти актеры и музыканты набирались изъ крѣпостныхъ людей,—и какъ только могли, наилучшимъ образомъ отправляли свое ремесло; но между ними встрѣчались иногда способные, которые, родясь въ Италіи, сдѣлались бы хорошими артистами и виртуозами.

Театральныя представленія въ Кусковѣ были великолѣпны. Пространство сцены, богатое убранство, декорации, гардеробъ и число актеровъ и музыкантовъ позволяли постановку всѣхъ родовъ трагедій и оперъ. Богатство и великолѣпіе сего домашняго театра не мѣшало, впрочемъ, и другимъ достаточнымъ владѣльцамъ имѣть также свои театры, орке-

стры, балеты и актеровъ, также изъ своихъ крѣпостныхъ людей. До 1796 года извѣстны въ Москвѣ постоянные театры въ домахъ князя П. М. Волконскаго и князя В. Н. Щербатова. Въ первомъ еженедѣльно давались представленія оперъ, драмъ и комедій. Въ 1794 и 1795 годахъ я видѣлъ на семъ театрѣ очень хорошо разыгранныя по-русски оперы и въ переводѣ извѣстныя драмы и комедіи французскаго и нѣмецкаго театровъ. Очень хорошіе оркестры находились также въ домахъ: князя Куракина и гг. Еропкина и Приклонскаго.

Собственно для города въ Москвѣ существовалъ одинъ театръ, который содержалъ иностранецъ Медоксъ. Зданіе театра, довольно огромное каменное, находилось на улицѣ, называемой Петровкою, почему и театръ назывался Петровскимъ. Три раза въ недѣлю въ семъ театрѣ давались представленія. Три первые яруса ложъ были абонированы на годъ;—вообще театръ могъ помѣщать до 3.000 человекъ. На семъ театрѣ давались трагедіи, драмы, комедіи, оперы и балеты.

Если русскій репертуаръ и былъ бѣденъ оригинальными твореніями, то въ переводахъ являлись и французскія, и англійскія, а болѣею частію драмы и комедіи Коцебу. Такъ, я видѣлъ Шериданову комедію: *Школу злословія* и драмы Мерсье *Укусника*, *Евгенію* и многія другія пьесы, съ иностранныхъ языковъ переведенныя и отлично хорошо разыгранныя, можно сказать, первостепенными артистами, какими дѣйствительно были Померанцевъ, Шушериный, Плавильщиковъ и Сандуновъ, актриссы Снявская и Сандунова. Изъ оригинальныхъ русскихъ трагедій играли еще изрѣдка «Самозванца» Сумарокова; изъ комедій: «Модную лавку» Крылова, «Лебедянскую арманку» Копьева и «Недоросля» Фонвизина, въ которомъ въ роли няни Еремѣевны смѣшилъ публику райка актеръ Ожогинъ. По болѣею же части играли пьесы Шиллера, Коцебу и другихъ трагиковъ и комиковъ нѣмецкаго и французскаго репертуаровъ. Въ 1794 году я видѣлъ на московскомъ Петровскомъ театрѣ и «Гваделупскаго жителя», и «Малабарскую вдову». Сверхъ того, на семъ театрѣ играли народныя оперетки: «Збитеньщика» соч. Княжнина, «Добрые солдаты»—Хераскова и «Мельника»—Аблесимова. Кто не зналъ тогда наизусть прекрасныхъ куплетовъ «Збитеньщика».

Счастье строить все на свѣтѣ;
Безъ него, куда съ умомъ?
Вѣдять счастье въ каретѣ.
А съ умомъ:—идетъ пѣшкомъ!

Московская публика очень любила эти произведенія русскихъ писателей, и ихъ играли довольно часто. На занавѣсѣ московскаго театра, очень простой, изображена была на срединѣ пирамида съ слѣдующею надписью золотыми буквами: *Отъ слезъ и смѣха польза.*

Въ XVIII-мъ столѣтіи театръ приносилъ болѣе пользы, чѣмъ вреда.

Въ обычаяхъ высшаго круга дворянства того времени принято было безусловнымъ правиломъ включать въ предметы образованія юношества игру на театрѣ, танцованіе, фехтованіе и верховую ѣзду; и русское дворянство въ семъ отношеніи не отставало отъ европейскаго обычая. Вкусъ къ французскому театру и частое обращеніе съ французами много способствовали къ распространенію правильнаго употребленія французскаго языка и отличнаго, по вѣжливости и любезности, обхожденія, какими щеголяло тогда русское дворянство высшаго петербургскаго и московскаго общества, въ чемъ всѣ извѣстные путешественники охотно отдавали справедливость.

Въ Москвѣ, въ прекрасно отдѣланныхъ домашнихъ театрахъ: князя Д. Ю. Трубецкаго и И. Н. Зотова (впослѣдствіи графа) очень часто давались исключительно французскіе піесы, въ которыхъ любители театра, изъ высшаго общества, принимали участіе вмѣстѣ съ природными французами. Въ сихъ спектакляхъ и любители музыки играли въ оркестрѣ, которымъ обыкновенно управлялъ князь М. Я. Хилковъ. На своемъ театрѣ, князь Д. Ю. Трубецкой игралъ въ оркестрѣ на віолончели. Я называлъ эти лица для того только, чтобъ меня не упрекнули въ выдумѣ. И для того же прибавлю еще нѣкоторыя подробности, по которымъ увѣриться можно будетъ, что я не отдаю преимущества охотникамъ до музыки тогдашняго времени предъ нынѣшними. Музыка игралась въ оркестрахъ самая легкая. Плейеловы и Вангалевы симфоніи; но по такому выбору вовсе нельзя судить о тогдашнемъ музыкальномъ вкусѣ. Крѣпостной музыкантъ М. А. Еропкина, будучи еще ученикомъ, разыгрывалъ въ публичныхъ концертахъ трудную музыку Віотти, Местрино и фуги Кореллиевы. Его вспоминали въ Москвѣ въ восьмисотыхъ годахъ, при игрѣ тѣхъ же концертовъ знаменитыми европейскими скрипачами Роде и Бальо. Въ царствованіе Екатерины, въ Петербургѣ и Москвѣ слушали Маркези, Тоди и Дица. Всѣ европейскіе таланты не по одному только имени въ обихъ столицахъ были извѣстны; большая часть изъ нихъ пріѣзжала въ Россію.

Весьма замѣчательно какъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ размножилось нынѣ въ Россіи изученіе музыки, особенно на клавино-роялѣ, извѣстныхъ подъ именемъ піано-рояль. Нѣтъ приблизительнаго даже сравненія, которое въ семъ отношеніи употребить можно бы было. За пятьдесятъ лѣтъ, въ дворянскихъ только, и то немногихъ домахъ, учили музыкѣ, и я не ошибусь, сказавъ, что въ 1796 году едва-ли въ Москвѣ двадцать такихъ домовъ насчитать можно было. Въ спѣхъ же домахъ, едва-ли въ половинѣ занимались Гайдномъ и другими музыкальными классиками. Молодыхъ баричей преимущественно учили играть на

скрипкѣ, нѣкоторыхъ на виолончели и на фортепьяно; но мало между ними насчитать можно было такихъ, которые заслуживали бы имя музыкантовъ. Музыка въ высшемъ обществѣ почиталась столько же необходимою въ образованіи какъ и танцы; но верховъ совершенства въ музыкѣ считалось умѣніе разыгрывать Гайдна и Моцарта, а въ танцахъ умѣніе протанцовать минуэтъ французской королевы и французскую кадрили Монако. Кто это умѣлъ, тотъ былъ замѣченъ и почитался очень хорошо воспитаннымъ. Нынѣ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ, вѣроятно, въ Петербургѣ и Москвѣ не найдется дома, въ одномъ изъ этажей котораго не было бы фортопьянъ. И въ трактирахъ, и въ кондитерскихъ, и у булочниковъ, и другихъ ремесленниковъ есть флигель, или фортопьяны.

Въ концѣ царствованія Екатерины любимымъ занятіемъ и предметомъ многочисленныхъ сѣздовъ московской публики и стеченія народа сдѣлались лошадиныя скачки, основанныя графомъ А. Г. Орловымъ-Чесменскимъ, которому Россія обязана размноженіемъ породы кровныхъ арабскихъ и англійскихъ лошадей. На сихъ скачкахъ являлись и приводные изъ Англіи скакуны в родившіеся на заводахъ графа и другихъ охотниковъ. Я видѣлъ на сихъ скачкахъ знаменитаго тогда скакуна Греть-Дейгомеда, котораго цѣнили въ двадцать тысячъ рублей, Эклипса, Тромпетера, Роксолану, родившуюся на заводѣ графа, и много другихъ, именъ которыхъ не припомню.

Образъ жизни московскаго высшаго круга въ сію эпоху представлялъ старинный бытъ русскій, съ которымъ сливались еще воспоминанія Грановитой палаты и Краснаго крыльца. Старый Кремль оставался еще въ той же неприклонности и въ томъ видѣ, въ какихъ былъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и живо напоминалъ еще Москву Грознаго и Москву Годунова. Только сенать, арсеналь и домъ митрополита свидѣтельствовали, что архитектура теремовъ уступала уже мѣсто архитектурѣ европейской. Кремль оставался еще неизмѣннымъ типомъ столицы Московскаго царства. Что касается до прочихъ частей города, то на многихъ улицахъ подлѣ деревянныхъ ветхихъ хижинъ подымались уже большіе каменные дома. Прямая Тверская улица отъ заставы до Кремлевскихъ воротъ, называемыхъ Курятными, представляла огромные дворцы: князя Голицына, который занимала Екатерина въ бытность свою въ Москвѣ, Мамонова, князей: Гагарина и Долгорукова, въ которомъ помѣщался единственный тогда въ Москвѣ кофейный домъ и конфектная лавка, которые содержала старая француженка, живой портретъ парижскихъ рыбныхъ торговцевъ, мадамъ Шню.

Во всемъ городѣ на самыхъ большихъ улицахъ: Покровкѣ, Мясницкой, Стрѣтенкѣ, за Москвою-рѣкою, въ Нѣмецкой слободѣ и на самыхъ отдаленныхъ пунктахъ города встрѣчались уже огромныя зданія, и сна-

ружи и внутри богато по послѣднему вкусу отдѣланныя. Впрочемъ по всему городу такихъ домовъ не болѣе пяти или шести сотъ насчитать можно было. Я здѣсь исключительно говорю о домахъ, знатнымъ владѣльцамъ принадлежавшихъ, отличавшихся внутреннимъ расположеніемъ, не уступающимъ нынѣшнимъ, не присоединя къ нимъ домовъ каменныхъ и деревянныхъ, принадлежавшихъ достаточнымъ дворянамъ и купцамъ, но простой наружности въ одно и два жилья. Такихъ разбѣянныхъ по городу домовъ было очень много,—и между ними оставались нѣкоторые съ желѣзными наружными ставнями, каменными заборами и тяжелыми всегда запертыми воротами.

Несмотря на большое уменьшеніе приходскихъ церквей, оставшееся ихъ понинѣ число свидѣтельствуетъ, что Москву называли бѣлокаменною не по частнымъ домамъ, но исключительно по Кремлю и церквамъ, изъ коихъ многія построены изъ тесаного бѣлаго камня. Дома графовъ Шереметьева, Разумовскаго, князей Голицыныхъ и вообще всѣхъ знатныхъ потомковъ древнихъ бояръ представляли расположеніе и убранство царскихъ дворцовъ. Въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины, сдѣлались въ Москвѣ извѣстными два огромные дома, принадлежавшіе малочиннымъ дворянамъ: Пашкову и Салтыкову. Первый замѣчательнъ и по архитектурѣ и по саду, расположенному по горѣ довольно высокой, вдоль улицы, называемой Моховою; второй—по большой круглой залѣ съ хорами, въ которой давались концерты и балы. Я полагаю, что подробное описаніе Москвы и планъ города за восемьдесятъ только лѣтъ назадъ изумили бы настоящее поколѣніе: такъ измѣнилась и наружность города и самая его мѣстность. Я родился въ Москвѣ въ 1773 году и, бывъ въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія на моей родинѣ, не видалъ уже той Москвы какъ она была въ девяностыхъ годахъ прошедшаго столѣтія.

Если Фонвизинъ, съ небольшимъ за пятьдесятъ лѣтъ, написалъ Недоросля, то онъ писалъ его не съ тою цѣлю, чтобъ смѣшить только зрителей въ райкѣ. Онъ начертилъ вѣрнѣйшую картину нравовъ, понятій и обычаевъ тогдашняго московскаго и губернскаго дворянства, не принадлежавшаго къ высшимъ разрядамъ общества, обнаружилъ полубоярскую слѣсъ мелкихъ дворянъ, прастыдилъ грубое невѣжество людей, называвшихся благородными, и если не заставилъ дворянъ своего времени перевоспитаться, то заставилъ ихъ по крайней мѣрѣ прикрывать свои грубые понятія, свое грязное невѣжество и еще грязнѣйшіе обычаи и привычки. Онъ вовсе не преувеличилъ ни глупости, ни злости дворянъ Простаковыхъ и Скотининныхъ, а показалъ только ихъ на театральномъ помостѣ, каковыми они въ домахъ и кругу семействъ своихъ дѣйствительно были. Онъ представилъ со всею вѣрностію, какимъ наставникамъ безграмотные дворяне ввѣряли образованіе дѣтей своихъ.

Если на Вральмана не похожи всѣ учителя французы и нѣмцы послѣдняго двадцатилѣтія XVIII столѣтія, то Цыфиркинъ и Кутейкинъ настоящіе портреты тогдашнихъ русскихъ учителей грамоты и ариметики. Въ Москвѣ, конечно, не болѣе десяти человѣкъ насчитать можно было законоучителей и учителей русскаго языка, достойныхъ сего названія. Всѣ прочіе русскіе преподаватели были дьячки приходскіе и артиллеристы.

Въ самыхъ знатнѣйшихъ домахъ дѣтей мало занимали законоученіемъ и русскою грамотою. Чѣмъ домъ былъ знатнѣе, тѣмъ менѣе въ немъ думали о русскомъ языкѣ, на которомъ дѣтямъ говорить даже между собою запрещали. Княжескіе и боярскіе сыновья и дочери потому то и объяснялись по-французски лучше, чѣмъ на своемъ природномъ языкѣ; разумѣется они знали языкъ только разговорный, въ гостинныхъ употребляемый, но и на семъ языкѣ грамматически рѣдко писать умѣли. Что же касается до русскаго языка, то и родители ихъ полуфранцузовъ едва смогли бы составить по-русски въ нѣсколько строчекъ письмо или записочку. Въ началѣ еще царствованія императора Павла, многіе вельможи писали на своемъ языкѣ, какъ говорили: безъ всякаго правописанія и знаковъ препинанія. Слогъ самыхъ знатныхъ подходилъ къ церковному или наполненъ былъ галлицизмами. Самые ученые, до Карамзина, писали языкомъ церковныхъ книгъ, смѣшаннымъ съ языкомъ разговорнымъ, что встрѣчается въ сочиненіяхъ и Хераскова и Державина, не говоря о слогѣ писателей менѣе извѣстныхъ. Со временъ только Сперанскаго, по учрежденіи министерствъ, въ officialныхъ бумагахъ, присутственныя мѣста и лица, подражая слогу министерскихъ предписаній и слогу журнала министерства внутреннихъ дѣлъ, начали оставлять и подъясческія выраженія и самый почеркъ, похожій на церковный полу-уставъ, и стали сближаться съ слогомъ Карамзина и Сперанскаго.

Высочайшіе рескрипты Екатерины II, сенатскіе и коллежскіе акты представляютъ такую разницу съ тѣми, которые замѣнили ихъ въ началѣ 1800 года, что переимѣну сію, по всей справедливости, приписать должно Карамзину, дѣйствительному преобразователю языка, до него тяжелаго и необработаннаго; тому служатъ свидѣтельствомъ всѣ русскіе книги, сочиненія и переводы, отъ Петра Великаго до Карамзина издаваемые. Съ появленіемъ только «Московского журнала», по возвращеніи Карамзина изъ заграничнаго путешествія, богатство, красота и сила русскаго языка начали развиваться и приохочивать русскія образованныя сословія къ чтенію русскихъ сочиненій; чему, безспорно до него, начали пролагать дорогу: Новиковъ, Херасковъ и Державинъ!

Правда, Карамзинъ ввелъ въ русскій языкъ множество иностранныхъ словъ, но сямъ то самымъ и обогатилъ его. И что же! зависть и негѣ-

жество разглашала тогда, вопреки очевидной пользы, которую принесло сіе введеніе. Говорили, что Карамзинъ портитъ русскій языкъ—и называли его нѣмецкимъ русакомъ. Скоро послѣдователи его—Дмитріевъ, Пушкинъ (Василій) Крыловъ и, разсидникъ лучшихъ нашихъ литераторовъ, Московскій благородный университетскій пансіонъ безусловно приняли слогъ Карамзина и образцовыя сочиненія его тогдашняго времени: «Бѣдная Лиза», «Наталья боярская дочь», «Письма русскаго путешественника» и «Критика новѣйшихъ русскіхъ сочиненій и переводовъ», основательная безпристрастная и наставительная—заставляли наконецъ всѣхъ отдать прозѣ Карамзина преимущество предъ прозою Ломоносова и Хераскова и всѣхъ, кто до него писалъ.

Въ сіе время, когда не всѣ знатныя барыни и писать умѣли, племянница Хераскова А. П. Хвостова, подражая слогу Карамзина, написала премиленькую бездѣлку: *К а м и н ѣ*, который лежалъ на всѣхъ столахъ гостинныхъ и кабинетовъ и который всѣ съ удовольствіемъ читали. Впрочемъ Хвостова была не первая женщина, которая въ царствованіе Екатерины занималась русскою словесностью: г-жа Хрущова, извѣстна въ русской библіографіи гораздо прежде переводомъ Мармонтелеваго сочиненія *И н к и*.

Независимо отъ «Московского журнала», въ которомъ большая часть статей въ стихахъ и прозѣ и переводовъ принадлежали неру Николаю Михайловича, онъ вмѣстѣ съ журналомъ своимъ издавалъ «Аониды», «Мои бездѣлки» и превосходные переводы, какихъ до сего русскіе не имѣли. Неутомимая его ревность, стараніе и дѣятельность такую принесли русской словесности пользу, что она ни съ какою другою сравнена быть не можетъ. Онъ создалъ языкъ, которымъ образованное общество въ Россіи и говоритъ и на которомъ пишетъ; сблизилъ русскіхъ съ природнымъ ихъ языкомъ, величественнымъ и сладкозвучнымъ, и, можно сказать, приохотилъ ихъ къ просвѣщенію. Подражая Карамзину, около того же времени и я напечаталъ переводы мои: путешествіе въ Крымъ и Константинополь, сочиненіе англичанки Креветъ, и отрывокъ изъ сочиненія Дидерота, подлинникъ котораго, исправленный мѣстами рукою Карамзина, и теперь у меня хранится. Тогда же перевелъ я и «Бѣдную Лизу» на французскій языкъ, чтобъ и французовъ познакомить съ Карамзинымъ. Ничтожные опыты, которые нынѣ, чрезъ 50 лѣтъ, едва ли и у букенистовъ найдутся, тогда же, когда они вышли изъ печати, и объ нихъ говорили.

Рѣшительно сказать должно, что образованность, происходящая отъ нравственнаго и умственнаго просвѣщенія въ тридцати четырехъ лѣтнее царствованіе Екатерины, была удѣломъ весьма немногихъ. Хотя дворянство, къ высшимъ степенямъ общества принадлежавшее, и видѣло и знало, что императрица шеголяла знаніемъ русскаго языка, писала

на немъ охотно и занималась сочиненіями русскими, все-таки предпочтало отечественному языку языкъ французскій.

Отъ Петра I-го до Екатерины II русская словесность изъ свѣтскихъ писателей красуется однимъ Ломоносовымъ, изъ духовныхъ насчитать ихъ можно болѣе, но писанія сихъ послѣднихъ очищали болѣе славянскій, а не русскій языкъ; совсѣмъ тѣмъ, первыми наставниками и преподавателями русской словесности Россія исключительно обязана духовнымъ училищамъ. Всѣ прочіе распространившіеся по Россіи до кончины императрицы Екатерины овѣтскіе учителя рѣшительно принадлежать по образованію своему или Московскому университету, или учрежденнымъ при С.-Петербургской Академіи наукъ и шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ гимназіямъ, которыя современемъ снабдили всѣ по государству училища хорошими преподавателями, а службу — дѣловыми людьми. Словесность русская отъ Ломоносова до Карамзина шла медленно и подъ перомъ Державина только показала, какимъ исполнителемъ ей предназначено быть въ числѣ прочихъ словесностей. И Державинъ, истинный поэтъ-философъ, и Херасковъ, лучшій прованкъ въ концѣ XVIII столѣтія, и митрополитъ Платонъ, краснорѣчивѣйшій витія своего времени, и священникъ Десняцкій, въ послѣдствіи митрополитъ Михаилъ, неутомимый проповѣдникъ христіанскаго ученія, — сіи знаменитые мужи, какъ равно и преобразователь русскаго разговорнаго и письменнаго языка Карамзинъ, принадлежать къ царствованію императрицы Екатерины II.

IV.

Николай Ивановичъ Новиковъ и его значеніе въ народномъ просвѣщеніи. — Издательская дѣятельность Новикова. — Участіе его въ воспитаніи Н. М. Карамзина. — Заслуги Новикова по собиранію матеріаловъ для исторіи Россіи. — Печальная судьба, его постигшая.

Къ сей эпохѣ принадлежитъ извѣстный Николай Ивановичъ Новиковъ, русскій родовой дворянинъ, безъ котораго русская словесность и отечественная исторія едва дошли бы съ небольшимъ въ полвѣка до такой высоты, на которой стояли уже въ началѣ XIX столѣтія.

Николай Ивановичъ Новиковъ, какъ и всѣ русскіе природные дворяне его современники, началъ службу въ гвардіи, но бывъ съ самой молодости слабымъ здоровьемъ, скоро ее оставилъ. Имѣя умъ и способности необыкновенныя, пылкій характеръ и дѣятельность неувѣрюю, онъ не могъ ограничить послѣдней образомъ жизни столичныхъ городовъ или посвятить себя въ деревнѣ сельскимъ занятіямъ. Ему надобна была пища

для ума и сердца, и въ Петербургѣ еще онъ занялся отечественною словесностію, которая только что развилась подъ перомъ Ломоносова. Онъ долженъ былъ превозмочь величайшее затрудненіе, которое представляло ему незнаніе ни древнихъ и ни одного изъ новѣйшихъ европейскихъ языковъ; но при рожденіи онъ былъ обреченъ страстно любить науку и отдавалъ имъ преимущество предъ всѣми приманками разсѣянной свѣтской жизни. Ему суждено было быть первымъ въ Россіи распространителемъ народнаго просвѣщенія, посредствомъ изданія переводовъ и вообще книгопечатанія. Оставя службу онъ не оставилъ Петербурга и скоро сдѣлался извѣстенъ знатымъ особамъ того времени, которые поняли и оцѣнили его, скоро сдѣлался онъ извѣстнымъ и самой императрицѣ, чрезъ изданіе первыхъ періодическихъ листовъ въ Россіи. До него вся журналистика ограничивалась «С.-Петербургскими Вѣдомостями» и календарями, при Академіи наукъ издаваемыми. Листки, которые издавалъ Новиковъ, какъ новость и первый опытъ, привлекли ему благоволеніе императрицы.

Живописецъ, Утренній свѣтъ, Вечерняя зоря и Московское ежемѣсячное изданіе можно назвать краеугольными камнями русскихъ періодическихъ сочиненій. Я указываю здѣсь на нѣкоторые, ибо они были дѣдушками русскихъ журналовъ, какъ ботикъ Петра Великаго, по замысловатому сравненію, дѣдушкою русскаго флота. Надобно здѣсь замѣтить, что въ сію эпоху въ Петербургѣ, по подражанію другихъ столицъ, и масонство имѣло свой востокъ—игрушка, въ которой многія знатныя лица и люди, принадлежащіе къ высшему кругу, принимали участіе, какъ равно и Новиковъ, по связи съ ними, въ ней участвовали, принадлежа къ лучшему обществу въ городѣ. Масонство не почиталось тогда ни опаснымъ, ни предосудительнымъ, хотя во многихъ возбуждало недовѣрчивость. Въ это же время и въ Москвѣ былъ небольшой кругъ людей, принадлежавшихъ къ сему сословію. На масонство была мода, а модѣ кто не слѣдуетъ? Масонскія ложи существовали и при многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и во многихъ губернскихъ городахъ.

Новиковъ съ пламенною душою и возвышеннымъ духомъ искалъ только случая и возможности заняться такимъ дѣломъ, которое служило бы къ распространенію народнаго просвѣщенія, любви къ наукамъ и отечественной словесности, чрезъ изданіе и печатаніе извѣстнѣйшихъ сочиненій, коими славятся древніе и новѣйшіе языки. Единственнымъ средствомъ къ тому представлялось откупное содержаніе московской университетской типографіи, единственной тогда въ Москвѣ, которая отдавалась съ торга тому, кто предлагалъ выгоднѣйшую предъ другими плату. Новиковъ, оставивъ Петербургъ и пріѣхавъ въ Москву, взялъ на откупъ университетскую типографію, около 1780 года судя по

находящемуся у меня экземпляру Христіанскаго календаря на 1784 годъ, печатавшему, какъ стоитъ на заглавномъ листѣ: иждивеніемъ Н. Новикова и компаніи. Въ Москвѣ въ Университетской типографіи у Н. Новикова. 1784 года.

Въ Москвѣ Новикова ожидали и громкая молва, и невѣроятныя бѣдствія, и нелицепріятная признательность потомства. Могъ-ли ожидать сего рядовой московскій дворянинъ, въ чинѣ отставнаго поручика, при небольшомъ имѣніи, отъ предковъ до него дошедшемъ, гдѣ онъ и жизнь кончилъ въ глубокой, болѣзненной старости, при крайнихъ недостаткахъ, въ отчинѣ, заложенной въ казну, съ которой онъ не получалъ и столько дохода, котораго бы доставало, чтобы жить дряхлому съ тремя-большими дѣтьми и выплачивать ежегодныя проценты. Николай Ивановичъ Новиковъ кончилъ жизнь около 1820 года. Если ему было при кончинѣ около 70 лѣтъ, то когда онъ взялъ типографію Московскаго университета на откупъ, онъ могъ быть не старѣе 35 лѣтъ. Предъ кончиною его, я былъ съ нимъ, послѣ двадцати-пяти-лѣтняго знакомства, въ самой тѣсной дружественной связи. Подъ конецъ жизни, несмотря на постоянно болѣзненное состояніе и ежедневныя жестокія страданія, онъ сохранилъ всю живость ума, всю силу духа и всю свѣжесть пламеннаго воображенія, свойственныя возмужалому совершеннолѣтію. Несмотря на мучительную болѣзнь и на то, что онъ содержался до кончины Екатерины II, около десяти лѣтъ, въ Шлиссельбургской крѣпости въ казематѣ, испытавъ всѣ ужасы преслѣдовавшихъ его злобы, лжи и клеветы, сей необыкновенный человѣкъ мало извѣстенъ своимъ соотечественникамъ потому только, что путь къ славѣ привелъ его къ заточенію, и что посѣянные имъ сѣмена пожаты другими!

У меня сохранилась многолѣтняя переписка съ симъ достойнѣйшимъ человѣкомъ въ собственноручныхъ его письмахъ. Давно сказалъ Вергилій: всегдашнее ко всему равнодушіе современниковъ разбужается обыкновенно или подкупомъ, или лестию.—Безпристрастіе потомства, и чрезъ вѣка протекшіе послѣ смерти, воздастъ достойному достойное. Новиковъ принадлежитъ къ числу немногихъ орудій, подготовленныхъ великимъ преобразователемъ Россіи, которыя и послѣ смерти его продолжали развивать его начала. Петръ въ свое время сдѣлалъ бы Новикова вторымъ Меньшиковымъ.—Екатерина его не разгадала.

По переѣздѣ въ Москву, сдѣлавшись содержателемъ университетской типографіи, онъ немедленно приступилъ къ изданію переводовъ сочиненій богословскихъ, философскихъ, историческихъ и многихъ другихъ, коими славятся древніе и новѣйшіе языки; но онъ не ограничился единственно симъ предметомъ. Невѣроятная дѣятельность и предпріятія обширныя, къ пользѣ общей вложившіяся, и виды, какіе онъ имѣлъ при взятіи на откупъ Московской университетской типографіи, свидѣ-

тельствуютъ о необыкновенныхъ усиліяхъ и трудахъ сего вѣчной благодарности русскихъ достойнаго ихъ согражданина. Онъ придвинулъ успѣхи просвѣщенія на цѣлый вѣкъ впередъ, обогативъ училища учебными книгами, а общество многими переводами, которые сдѣлали доступными сочиненія иностранныхъ писателей для соотечественниковъ его, не знавшихъ иностранныхъ языковъ. Университетъ Московскій и Новиковъ первоначально, за нимъ Карамзинъ принесла и просвѣщенію, и словесности русской неоцѣнимыя услуги, возбуждая вкусъ и охоту къ ученію. Усовершенствовавъ книгопечатаніе они развили книжную торговлю, которая до Новикова едва переходила за предѣлы мелочной промышленности. Я сказалъ выше, что Новиковъ принадлежалъ въ Петербургѣ къ кругу масоновъ, не весьма обширному, и по переездѣ въ Москву, съ профессоромъ Московскаго университета Н. Г. Шварцомъ завелъ онъ также небольшое масонское общество, къ которому принадлежали извѣстнѣйшія лица московскаго дворянства. Я не распространюсь здѣсь насчетъ сего общества, довольно извѣстнаго и въ Европѣ и Америкѣ, но говоря и о немъ, какъ о заведеніи, начатомъ Новиковымъ, присовокуплю, что компанія, главою которой онъ былъ, завела въ Москвѣ сверхъ типографіи обширную аптеку и лабораторію, которыми управлялъ выписанный изъ Германіи ученый химикъ Биятгеймъ. Капиталъ компаніи, составившійся изъ суммъ многочисленныхъ вкладчиковъ, въ наличныхъ деньгахъ, въ типографскихъ и аптекарскихъ матеріалахъ заключавшійся, и огромный кредитъ доставляли компаніи всю возможность безпрепятственно расширять кругъ своихъ дѣйствій. Бывшій домъ графа Гендрихова на Яузѣ, огромное каменное зданіе, былъ уже собственностію компаніи, прибрѣтению чрезъ покупку. Я не коснусь здѣсь видовъ, приписываемыхъ Новикову, за которые онъ жестоко пострадалъ, присоединивъ ихъ къ типографскимъ своимъ оборотамъ. Они ничего общаго не имѣютъ съ литературными его заслугами. По прошествіи 50 лѣтъ, къ Новикову можно въ переносномъ смыслѣ отнести сказанное Ломоносовымъ о Петрѣ Великомъ, при спускѣ карабля, что русскіе въ лодочкѣ, на лужѣ, чуть бы сидѣли, когда-бы не имѣли Великаго Петра!—Если-бы русская словесность не имѣла за 70 лѣтъ назадъ Н о в и к о в а, она не была бы на той высотѣ, на которой стоитъ нынѣ; можетъ быть, съ тѣми только словесностями славянскихъ нарѣчій, которыя едва занимаютъ ученую Европу. Нынѣ, словесность русская вдвинута въ рядъ словесностей французской, англійской и нѣмецкой, и уповательно, чрезъ 100 лѣтъ, при правнукахъ нашихъ, и въ Л о н д о нѣ, и въ П а р и жѣ по-русски и говорить и читать будутъ!

До Новикова, каталогъ русскихъ оригинальныхъ сочиненій и переводовъ былъ весьма ограниченъ. Такъ какъ я не пишу исторію російской словесности, то и не буду входить въ подробности, до сего любо-

пытнаго предмета относящіяся. Стоять только имѣть въ рукахъ, каталоги книгъ московской университетской книжной лавки отъ взятія Новиковымъ на откупъ университетской типографіи до года его заточенія, чтобъ удостовѣриться, какъ ничтожны были въ это время печатаніе и торговля русскими книгами. Впрочемъ не надобно забывать, что съ половины только XVIII столѣтія, въ царствованіе императрицы Екатерины, русскія книги вообще начали размножаться, хотя впрочемъ все еще весьма медленно. Новиковъ, взявъ университетскую типографію на откупъ, быстро принялся за печатаніе русскихъ сочиненій и переводовъ и оставилъ послѣ себя каталогъ, по которому можно уже было составить собраніе книгъ, не въ одну сотню томовъ. Чтобъ оцѣнить труды его, довольно указать на одно изданіе Древней Россійской Библіотеки многотомной книги, въ которой онъ воскресилъ заплесившія въ сырыхъ кладовыхъ древнія рукописи, познакомилъ русскихъ съ предками ихъ и подготовилъ Карамзину и русской исторіи основаніе къ повѣркѣ и объясненію русскихъ древностей. Библіотека по всей справедливости заслуживаетъ названія указателя, по которому любители древностей собирали драгоценныя матеріалы, и самая археографическая коммиссія нашихъ временъ обогатилась драгоценными приобрѣтеніями для отечественной исторіи. Новиковъ первый приступилъ къ разработкѣ обильной почвы русской старины.

Сколько имъ издано самыхъ полезнѣйшихъ книгъ для воспитанія и образованія юношества; сколько такихъ, которыя познакомили съ христіанствомъ и молодыхъ и старыхъ христіанъ. Многіе изъ нихъ, проживъ десятки лѣтъ, все еще думали, что христіанство дозволяетъ вышибать зубъ—за вышибленный зубъ, выкалывать глазъ—за выколотый глазъ, и высыпать врагу изъ жаровни горячія уголья на голову. Самые календари, печатанные въ Москвѣ въ университетской типографіи при Новиковѣ, составлены были въ видѣ руководства къ ознакомленію свѣтскихъ людей съ евангельскимъ ученіемъ и съ христіанскою нравственностію. Сверхъ того Новиковымъ издано много книгъ о предметахъ богословскихъ, переводахъ изъ твореній святыхъ отцовъ восточной церкви и произведеній ученѣйшихъ мужей древняго и новаго міра. Къ сожалѣнію, всѣ сочиненія и переводы, изданные Новиковымъ, принадлежать къ такой эпохѣ, въ которую русскій языкъ едва начиналъ очищаться отъ славянщины временъ Петра I-го, а потому въ примѣненіи къ словесности нашего времени, сочиненія сіи большой цѣны и не имѣютъ; со всѣмъ тѣмъ, неотъемлемое достоинство ихъ состоитъ въ томъ, что они были началомъ быстрыхъ успѣховъ въ усовершенствованіи русскаго языка и русской словесности.

По обширнымъ связямъ знакомства, общаго уваженія и довѣренности, которыми пользовался Новиковъ, онъ много содѣйствовалъ къ

развитію способностей въ молодыхъ людяхъ, которые дѣлались ему извѣстными; я укажу здѣсь на одного студента Московскаго университета, небогатаго симбирскаго дворянина покойнаго русскаго исторіографа Карамзина. Бывъ замѣченъ по отличнымъ способностямъ своимъ нѣкоторыми членами общества, главою котораго былъ Новиковъ, Карамзинъ обязанъ имъ знакомствомъ съ почтеннымъ семействомъ А. А. Плещеева, которое приняло его въ домъ свой какъ сына, не отличало отъ собственныхъ дѣтей своихъ и въ послѣдствіи содѣйствовало возможными способами къ отправленію его за границу. Выѣхавъ изъ дому Плещеевыхъ, онъ во все время путешествія своего находился въ постоянной перепискѣ съ благодѣтельными друзьями своими. Какія же чувства онъ питалъ къ нимъ, видѣть можно изъ «Писемъ русскаго путешественника», писанныхъ во все время отсутствія его къ Настасьѣ Ивановнѣ Плещеевой, урожденной Протасовой, на меньшой сестрѣ которой онъ по возвращеніи въ Россію былъ женатъ въ первый разъ. Карамзинъ и по пріѣздѣ изъ чужихъ краевъ въ Москву возвратился въ домъ тѣхъ же постоянно благодѣтельныхъ друзей своихъ Плещеевыхъ; и проводя трудолюбивую молодость въ ученыхъ занятіяхъ и въ кругу друзей своихъ, онъ началъ литературное поприще изданіемъ «Московского журнала», въ которомъ помѣщены вышеупомянутыя письма. Это былъ первый приступъ Карамзина къ возрожденію русскаго языка и русскаго словесности. По связи семейства моего съ семействомъ Плещеевыхъ, несмотря на мои шестнадцать лѣтъ, я пользовался расположеніемъ Карамзина, совѣтами и руководствомъ его въ школьных моихъ занятіяхъ и поправкою моихъ ребяческихъ литературныхъ произведеній. Все это сдѣлало меня горячимъ подражателемъ его слога и начатаго имъ преобразованія русскаго языка. До отъѣзда моего за границу и по возвращеніи оттуда, знакомство мое съ симъ незабвеннымъ человекомъ продолжалось до самой его смерти. Ему единственно принадлежитъ и честь и слава, какъ истинному преобразователю русскаго языка, какъ творцу и новой русскаго словесности, и краснорѣчивѣйшему повѣствователю о началѣ, событіяхъ и возрастаніи государства Россійскаго.

Имена Новикова и Карамзина неразлучны съ именемъ Екатерины, незабвенной по мудрому продолженію преобразованій Петра I-го. Тридцати-четыре-лѣтнее царствованіе ея составляетъ блестящую эпоху въ исторіи Россійской. Совершенство не есть принадлежность человѣчества: оно обречено ошибаться. Въ дѣяніяхъ самыхъ величайшихъ гениевъ выказываются ошибки, которыя не уничтожаютъ впрочемъ великаго духа—въ великихъ людяхъ! А потому, говоря о Новиковѣ, трудно безусловно оправдать, трудно и безусловно осудить мѣры, принятыя въ царствованіе императрицы Екатерины II въ отношеніи къ

лицу Новикова и компаніи, которой онъ былъ основателемъ. Государни не всегда сущность вещей проникать могутъ, и опредѣленія ихъ по большей части основываются на представленіяхъ людей, пользующихся въ довѣренностию. Не всегда повѣрить можно всякую точку зрѣнія, съ которой смотрять предубѣжденіе или пристрастіе, а когда же къ нимъ примѣшается личность, злоба и клевета, тогда самую истину затмятъ и самого безпристрастнѣйшаго человѣка въ заблужденіе ввести можно.

По заточеніи Новикова въ Шлиссельбургской крѣпости, по подозрѣнію московскаго мѣстнаго начальства, что общество, котораго онъ былъ основателемъ и главою, имѣетъ одни замыслы съ французскими якобинцами, мартинистами и иллюминатами, съ которыми невѣжественная толпа смѣшивала московскихъ масоновъ, общество, основанное Новиковымъ, и всѣ лица, участвовавшіе въ немъ, подверглись чрезвычайнымъ потерямъ, по разореніи, какъ тогда говорили, мартинистскаго гнѣзда. Подъ симъ гнѣздомъ разумѣли бывшій домъ графа Гендрикова, принадлежавшій обществу, съ огромными пристройками, въ которыхъ помѣщались обширная типографія, огромная аптека, книгохранилище и пространные магазины съ запасами бумаги, типографскихъ предметовъ и аптекарскихъ матеріаловъ стоившихъ большія деньги.—Все это, конечно, причинило разореніе многимъ вкладчикамъ, особенно богатому, доброму и честному слобирскому завододержателю Походяшину, самому Новикову съ семействомъ и многимъ другимъ знатымъ лицамъ, содѣйствовавшимъ развитію общепользныхъ предпріятій Николая Ивановича.

Въ то время, когда около 1788-хъ годовъ готовился французскій переворотъ, Мерсье надалъ «Картину Парижа», и въ послѣдней части включилъ главу подъ названіемъ: Мартинисты. Въ этой главѣ онъ говорилъ о появившемся тогда новомъ сочиненіи Сень-Мартена, «О заблужденіяхъ и истинѣ», которое отвлеченностію своею и содержаніемъ о предметахъ духовныхъ, въ тогдашнее время еще болѣе чуждыхъ чѣмъ въ наше время, надѣлало въ обществѣ много шума. Излагая сужденіе свое о приверженцахъ къ новымъ понятіямъ, Мерсье напугалъ правительства и публику вымышленнымъ имъ страшилищемъ, подъ именемъ мартинистовъ, чего достаточно было, чтобъ заставить злонамѣренныхъ и несмысленныхъ смѣшивать мартинистовъ съ иллюминатами, іезуитами, квакерами, розенкрейцерами и масонами; а Сень-Мартена—съ Вейсгауптомъ, Эскобаромъ, Равальякомъ, Лютеромъ, Кальвиномъ—и самимъ Мефистофелемъ. Клевета помрачала бы солнце, если бы мракъ могъ преодолѣть свѣтъ его. Нѣтъ ничего легче распространенія ложнаго мнѣнія между невѣжественнымъ простонародіемъ. Стоитъ только самыя лучшія

намѣренія выдать за средства, ведущія къ достиженію лучшихъ выгодъ, самые честнѣйшіе поступки оглашать преступными, особенно такіе, которые, какъ говорится, колятъ большинству глаза. Человѣческое правосудіе представляютъ съ завязанными глазами. Не на смѣхъ ли міеологія присвоила слѣпому правильное употребленіе вѣсовъ и сѣкеры. Кому неизвѣстна плачевная исторія рыцарей храма, кончившаяся кострами. Весьма любопытно прочесть опредѣленіе парижскаго парламента 6-го августа 1762 года, уничтожающее существованіе іезуитовъ. Парламентъ приписываетъ сему сословію такіа злодѣянія, которыя и придумать трудно, да едва ли они въ самомъ дѣлѣ и возможны. И здѣсь, невѣроятность явно свидѣтельствуетъ, что обвиненіе ложно и пристрастно, и что вымыселъ противорѣчитъ здравому смыслу.

Московское общество масоновъ, главою котораго былъ Новиковъ представлено императрицѣ Екатеринѣ опаснымъ по мнѣніямъ ея связямъ съ французскими якобинцами; я сему, нѣкоторымъ образомъ, нетрудно было придать видъ вѣроподобія, ибо, дѣйствительно, въ тогдашнее время, предъ началомъ французской революціи, многія французскія площадныя ложи служили сборищами, въ которыхъ замышлялся переворотъ. Довольно было распространить по Москвѣ слухъ, что Новиковъ и масоны, по примѣру якобинцевъ, и безбожники, и возмутители общаго спокойствія, чтобы толпа, безусловно повѣривъ тому, присовокупила къ сему обвиненію въ чародѣйствѣ, и въ алчности къ обогащенію себя на счетъ слабыхъ, и Богъ вѣсть какія еще сказки. Вотъ примѣръ тому: когда въ городѣ распространился слухъ, на сихъ вымыслахъ основанный, домъ общества, бывшій графа Гендрихова, сдѣлался предметомъ всѣхъ разговоровъ. Говорили, что масоны имѣютъ сношеніе съ нечистыми духами, что они вызываютъ мертвыхъ съ того свѣта, обираютъ простаковъ, не ходятъ въ церковь, и множество подобныхъ нелѣпостей, которыя, впрочемъ, и въ наше время распространяютъ, когда хотятъ повредить какому-нибудь лицу или обществу. Я не буду защищать здѣсь предъ правнуками того поколѣнія, къ которому принадлежалъ Новиковъ и его общество, не имѣющими и тѣни понятія о происшествіи и лицахъ, обратившихъ тогда на себя столь строгія мѣры правительства. По сіе число происшествіе сіе остается тайною, каковою была нѣкогда Желѣзная Маска. Впрочемъ, вѣроятно, что когда-нибудь и у насъ подлинная причина разоренія общества, главою котораго былъ Новиковъ, и заточенія его объяснятся, ибо мнѣ извѣстно, что всѣ бумаги, взятыя правительствомъ, существовали еще при вступленіи императора Павла на престолъ. Прекращая дальнѣйшее повѣствованіе о взятіи и заточеніи Новикова, я перескажу здѣсь два случая, изъ коихъ первый извѣстенъ мнѣ отъ самого Николая Ивановича, а второй я узналъ здѣсь, случайно, и очень недавно,

отъ одного современника, подобно мнѣ, той эпохи. Вотъ что мнѣ рассказывалъ Николай Ивановичъ:

Общество и всѣ заведенія его пользовались еще совершенною свободою, и всѣ лица, принадлежащія къ первому, не имѣли причины жаловаться на какое-либо, со стороны правительства, стѣсненіе, какъ уже въ различныхъ кругахъ Москвы говорили о Новиковѣ и компаніи его, о мартинистахъ, масонахъ и иллюминатахъ съ самой дурной стороны и распространяли самые скорбительные слухи насчетъ ихъ. Однажды, Николай Ивановичъ находился у жены друга и товарища своего Н. П. Т., какъ слуга вошелъ въ гостиную доложить о пріѣздѣ знакомой хозяйкѣ дамы, и когда она была принята, по разнѣмъ обыкновенныхъ привѣтствій, хозяйка спросила ее: что хорошенькаго?—обыкновенный вопросъ, который мы дѣлаемъ людямъ, къ которымъ равнодушны.

— Ахъ матушка, ваше превосходительство,—отвѣчала пріѣзжая,—какой я видѣла страхъ: ѣхала изъ-за Москвы-рѣки по Каменному мосту, наслу проѣхать могла—такое множество народу. Всѣ глядятъ на рѣку, и я велѣла кучеру остановиться; и что жъ? Проклятый Новиковъ на камнѣ плыветъ вверхъ по Москвѣ-рѣкѣ. Я такъ и обмерла и до сихъ поръ еще отдохнуть не могу.

А Николай Ивановичъ Новиковъ сидѣлъ тутъ же въ гостиной. Вотъ образчикъ рассказовъ, которые невѣжество разсѣваетъ.

Второй случай, который я помѣщаю здѣсь съ рассказа современника, всякаго вѣроятія достойнаго, есть слѣдующій. Нѣкто Вережкинъ, переводчикъ многотомнаго сочиненія аббата Прево, подъ заглавіемъ «Исторія о странствіяхъ вообще», около восмадесятихъ годовъ XVIII ст., условясь съ начальствомъ типографіи Императорской Академіи наукъ о напечатаніи своего перевода, ожидалъ окончанія изданія. Въ это время въ Петербургѣ была только одна академическая типографія, которая представляла возможность издать многотомное сочиненіе, съ гравированными картинками и картами, чего требовало изданіе книги «Исторія о странствіяхъ». Четыре или пять томовъ въ 8-ю долю листа были уже напечатаны, но такъ какъ изданіе шло очень медленно, и Вережкинъ терялъ довѣріе къ исправности типографіи и надежду видѣть переводъ свой скоро отпечатаннымъ, то и рѣшилъ ѣхать въ Москву и передать печатаніе «Исторіи о странствіяхъ» типографіи Московскаго университета, которую содержалъ Новиковъ. Типографія Академіи наукъ, оскорбленная симъ предпочтеніемъ Вережкина, присоединивъ къ убытку досаду, въ отищеніе Новикову, возбудила къ нему неблаговоленіе президента Академіи¹⁾ в, какъ въ сихъ случаяхъ дѣлается, не щадила клеветы, чтобъ достигнуть своей цѣли и повредить быстрому успѣху и вы-

¹⁾ Кн. Е. Р. Дашковой.

годамъ предприимчиваго Новикова. Въ услужливыхъ клеветникахъ никогда недостатка не бываетъ. Какъ лейденская батарея соединяетъ нѣсколько банокъ между собою для усиленія электричества, такъ клевета употребляетъ проводниками своими людей, отъ привратниковъ до ближайшихъ лицъ къ вельможамъ. Главная цѣль была—отмстить Новикову за Веревкина; и потому, чрезъ тайныхъ дѣйствователей близкаго къ императрицѣ лица, президента Академіи, главному московскому начальству внушено подозрѣніе къ видамъ Новикова. Бывшій тогда начальникомъ Москвы, ¹⁾ заслуженный воинъ преклонныхъ лѣтъ, вѣроятно, самъ сдѣлался невольнымъ орудіемъ гибели Новикова и многихъ другихъ извѣстныхъ лицъ потому только, что, не имѣя довольно твердости ума и духа, чтобъ дойти до истины, и увлекаясь слѣпымъ усердіемъ къ службѣ и благу отечества, усердіемъ, которому весьма часто личные виды препятствуютъ видѣть дѣло, какъ оно есть въ самой сущности,—далъ волю неблагонамѣреннымъ громоздить ложь на ложь, и, такимъ образомъ, пристрастіемъ помрачилъ истину. Кто повѣритъ нынѣ, чрезъ 70 лѣтъ, что разоренію Новикова и компаніи его служило основаніемъ не подозрѣніе, простибельное всякому правительству въ дѣлѣ, грозящемъ общественному благосостоянію, хотя бы, впрочемъ, подозрѣніе сіе ошибочнымъ и даже пристрастнымъ было, но что разоренію сему служило основаніемъ злонамѣренное покушеніе частнаго лица и въ дѣлѣ частномъ, склонившее людей, занимавшихъ первѣйшія въ государствѣ мѣста, употребить всемогущество свое къ гибели невинныхъ людей, чтобъ дать ходъ злобному вымыслу чрезъ обличеніе его видами правдоподобія. Не менѣе того, клевета и вымыселъ, на ней основанный, ввели мудрую и вовсе не жестокою Екатерину въ ошибку, разгромившую самое полезнѣйшее для общества и государства предпріятіе частныхъ людей, безъ всякаго сомнѣнія имѣвшихъ въ огромномъ коммерческомъ дѣлѣ и денежные выгоды, и несомнѣнную пользу. Вотъ фактъ, извѣстный немногимъ современникамъ Новикова, оставшимся еще въ живыхъ, но нисколько не помрачающій славы многолѣтняго царствованія императрицы Екатерины, увлеченной пристрастными представленіями. Кому неизвѣстно несчастное сходство имени и заключеніе, на томъ основанное, которыя рѣшили величайшаго человѣка своего времени—Наполеона, захватить и осудить на смерть неподлежащаго суду его несчастнаго принца ангіенскаго. Новиковъ былъ счастливѣе послѣдняго. Онъ перенесъ свое заточеніе и пережилъ своихъ клеветниковъ. Великодушный императоръ, Павелъ I, освободилъ его изъ крѣпости немедленно по вступленіи на престолъ.

¹⁾ Князь А. А. Прозоровскій.

Указъ генераль-поручику и псковскому губернатору Пилю о дозволеніи поселянамъ вѣдомства директора домоводства переселяться въ Екатеринославское намѣстничество и Таврическую область.

Удостоверившись собственнымъ нашимъ обозрѣніемъ въ плодоносіи пространныхъ земель въ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ и области Таврической и въ разныхъ выгодахъ для обитателей тѣхъ странъ, отъ мѣстнаго положенія притекающихъ, и вѣдая, что въ числѣ селеній вѣдомства директора домоводства по разнымъ губерніямъ находятся и такія, кои не изобилуютъ количествомъ земли, съ умноженіемъ же народа и вѣдшую нужду въ томъ имѣть могутъ, признали Мы за благо предписать нашимъ генераламъ-губернаторамъ и правящимъ ту должность, дабы отъ нихъ объявлено было надлежащимъ порядкомъ поселянамъ вѣдомства директора домоводства разнаго званія, наипаче же такихъ селеній, кои въ земляхъ недостатокъ и нужду ощущаютъ, что они могутъ переселиться на земли плодоносныя, въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ и Таврической области состоящія. Надлежащія распоряженія по случаю таковыхъ переселеній должны будутъ быть учинены подъ наблюденіемъ нашихъ генераловъ-губернаторовъ и правящихъ ту должность въ отсутствіи же ихъ губернаторовъ посредствомъ казенныхъ палатъ и директоровъ экономіи, произведя потребныя сношенія съ нашимъ Екатеринославскимъ, Таврическимъ и Харьковскимъ генераломъ-губернаторомъ заблаговременно. Пребываемъ впрочемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ
3 августа 1787 г.

